

łała również Komisja Inwentaryzacyjna w składzie: mgr J. Majchrzak, Anna Wirpsza, Danuta Tyszkowska, Cecylia Strzelczyk; Władysław Kręcihwest. Została również powołana Komisja Biblioteczno Archiwalna.

Towarzystwo posiada swoją centralę we Wrocławiu przy ul. Nanckera 4. Towarzystwo posiada 804 członków wpisanych do specjalnej książki (po skreśleniu członków zmarłych i niepłacących składek). Posiadają oni legitymację Towarzystwa i działają w ramach organizacyjnych Oddziałów PTL.

Porównując niniejsze sprawozdanie z planem przedstawionym na początku 1961 r. należy stwierdzić, że zasadniczo plan został zrealizowany w znacznym stopniu (wydawniczy naukowo-badawczy). Największym osiągnięciem Towarzystwa jest wydanie 269,6 arkuszy wydawniczych. Do osiągnięć natury organizacyjnej należy ogromny zryw nowowybranego Zarządu Głównego PTL w zakresie organizacji prac Towarzystwa, zgodnie z założeniami Statutu PTL.

O. G.

R Ó Z N E

JAN KUBARY

A CONTRIBUTION TO THE STUDY OF THE ANCHORITE ISLANDS

(on the Pacific Ocean)

Summary

On the basis of explorations which the author carried out in the Archipelago of the Carolini Islands in 1871—1875 he has presented the life of the inhabitants of above islands which were discovered by Bougainville in 1768.

Jan Kubary begins his work with a characteristic of the flora and fauna of the islands and then proceeds with an anthropological examination of the inhabitants who, he believes, are of Melanesian race. According to him their anatomical build is much inferior than in the South Polynesians, both as to the development of their limbs and the general dimensions.

After a thorough description of the anthropological features the author quotes the characteristic customs of the population, i.e. the numerical system and the vocabulary of the inhabitants of the Anchorite and Samoa Islands. That part of Kubary's work with the annexed paradigms of the grammatical forms of the natives has very great value even now. The author gives further a fairly detailed survey of the social organization on the islands; he speaks of architecture, arms, forms of religious life and of social culture problems. A great deal of his attention is devoted to the question of youth education (initiation, taboo, good care of the hair). To the problems of material culture belong also the descriptions of the Agomesian boats. A detailed survey of all sorts of tools and arms, as well as of methods to make clothing and prepare food, comes at the end.

This ethnographic work (unpublished up to now) is a valuable contribution to the study of the Pacific Ocean primitive tribes and of their culture.

LA TONSURE DANS LA CIVILISATION MÉDITERRANÉENNE

Résumé

Depuis l'étude magistrale de M. Wilcken sur l'Offrande des cheveux, nous ne possédons pas de recherches compréhensives sur la coupe des cheveux rituelle. M. Wilcken en ethnographe traita en premier lieu les usances des peuples primitifs et n'évoqua les coutumes des peuples anciens que pour prouver ses propres vues. Il y a donc une lacune évidente dans l'histoire de la civilisation des peuples anciens que nous essayons de combler. Nous précisons non seulement les rites et les usages se rapportant à la coupe des cheveux, mais nous mettrons aussi en vue leur origine et leur fonction, nous déterminerons les motifs ou les emprunts qui conduisirent à la genèse et à leur maintien durant des siècles. Pour cette raison nous préférons une exposition historique à une synthèse systématique. D'après ce plan l'Égypte et les peuples de l'Asie Mineure forment un groupe politique et ethnographique uni comme représentants de la civilisation orientale. L'Hellade et Rome constituent l'autre groupe qui donnait naissance à la civilisation occidentale; nous présenterons ce groupe d'une importance exceptionnelle pour la connaissance plus approfondie de l'Occident comme seconde partie de notre étude dans l'année suivante de cette Revue.

En Égypte nous rencontrons la coupe complète de la chevelure et de la barbe depuis le commencement de l'époque historique, surtout à la cour royale: obligatoire pour les fonctionnaires et employés royaux elle se diffuse parmi les différentes classes de la société, pénétrant peu à peu jusqu'à la bourgeoisie. C'était alors sans doute une innovation relativement récente: la preuve évidente en est la perruque obligatoire et la barbe postiche des dignitaires dans des actes officiels et publics. Nous sommes enclins de voir dans cette innovation un revirement de la mentalité, une manifestation d'un esprit militaire, discipliné, même belliqueux. Cette explication n'est pas conforme à la vue courante qui impute cette innovation à la prévalence des raisons d'hygiène; nous ne nions pas que ces raisons plus tard suffisaient amplement pour maintenir cette pratique qui, du reste, jamais ne fut universelle, puisque les classes inférieures, p. ex. les pêcheurs et la pâtres, restèrent fidèles au costume des ancêtres avec leur chevelure et leur barbe. Pour la classe des prêtres et en général pour le personnel de service de temple, la tonsure devint au cours des temps un signe distinctif de leur profession, parce qu'ils l'étendaient, pour des raisons de pureté absolue et idéale, non seulement aux sourcils, mais à tous les cheveux du corps qu'ils rasaient soigneusement. — En outre,

on pratiquait en Égypte la coupe des cheveux en signe de deuil, et l'offrande votive de la chevelure lors du recouvrement de la santé après une maladie périlleuse. Il est probable que plus tard, s'accommodant à la pratique asiatique, les Égyptiens marquaient les condamnés aux travaux forcés dans les mines, par la tonsure de la mi-tête.

En Mésopotamie nous trouvons chez les Sumériens des pratiques très analogues aux égyptiennes, et ce qui est plus, nous en constatons l'isochronie complète. Aussi a-t-on dès longtemps soupçonné l'origine commune péremptoirement de quel centre cette coutume rayonnait. Tout de même, il de cette pratique, mais jusqu'à ce jour il nous est impossible d'affirmer est de beaucoup plus vraisemblable que l'Égypte ait emprunté cet usage des Sumériens que le contraire, à moins qu'on n'admette — comme propose M. Hommel — un troisième peuple à l'ouest de l'Arabie qui serait le vrai créateur de ces pratiques et dont les autres aient imité les coutumes. Les Sumériens ont donc la tête et la face rasées, mais pour des cérémonies officielles ils se servent de perruques et de barbes postiches. Même les dieux s'accommodent à ce cérémoniel de la cour royale. Mais jamais la tonsure ne devint aussi universelle et populaire qu'en Égypte et se maintenait durant les âges principalement comme toilette exclusive, et par là privilégiée, des souverains de Babylon. Cette tradition dynastique survécut à tous les changements politiques et cataclysmes jusqu'à l'époque perse. — A côté de cette toilette de cour avec ses perruques et barbes postiches existaient des usages populaires, surtout la tonsure de deuil. Plus tard encore, après l'événement des Assyriens sémitiques, les Babylo niens adoptèrent deux formes de tonsure rituelle: l'offrande votive des cheveux et l'arrachement de la chevelure et de la barbe en signe d'infamie aux vaincus et aux prisonniers de guerre. Cet affront aux malheureux est d'une importance exceptionnelle, car en définitive cette coutume assyrienne créa la tonsure traditionnelle des esclaves.

Quant aux Hittites, les sculptures et peintures démontrent l'existence d'une tonsure de mi-tête chez leurs auxiliaires.

Sur les Israélites nous sommes beaucoup mieux informés que sur les autres Sémites grâce aux nombreux écrits d'un temps relativement vieux: la circonstance qui rallie ce peuple comme précurseur du christianisme à la théologie d'aujourd'hui, a plutôt compliqué l'interprétation du rituel qu'éclairci. Les Israélites ont la tonsure de deuil commune avec les autres Sémites, évidemment comme survivance du primaire arrachement des cheveux. Aussi le nazirat n'est pas étranger aux autres. Par contre, le costume des prêtres et des lévites est l'exacte imitation de la tenue des prêtres égyptiens.

Les Arabes possèdent des tonsures beaucoup plus variées. Avant tout nous rencontrons une coiffure nationale qui, au dire des Anciens, rappelait bien la thésis hellénique, c. à d. la coupe des frisons au-dessus du front,

coupe commune sans doute aussi à d'autres peuplades sémitiques. Il nous est impossible de décider, si cette tonsure est la survivance rudimentaire d'une coupe de chevelure plus extensive ou même complète (il y en avait parmi les Arabes, p. ex. les Wahabites qui rasaient la tête entière) ou l'emprunt d'un autre clan asiatique se parant d'une demi-chevelure. En tout cas, cette frisure était semblable à la coiffure nationale des peuplades thraces, bien connue grâce aux Abantes et aux Phrygiens habitant le sol asiatique. — Ce que nous savons, du reste, des Arabes, se base sur des mentions des écrivains mahométans et semble commun à tous les Sémites. La tonsure de deuil était pratiquée partout, ainsi que la tonsure votive et même le nazirat: tous ces usages persistaient avec une ténacité singulière jusqu'à nos jours. Toute une série de tonsures semble être empruntée de la culture gréco-romaine: surtout l'aqîqa (tonsure des jeunes gens, plus tard des enfants) dérivée de la tonsure des éphèbes, la coupe de la chevelure des esclaves et des prisonniers de guerre avec le rite de la manumission, enfin la coupe (l'arrachement) des cheveux en signe d'infamie pour les adultères.

JAN CZEKANOWSKI

THE PODHALE REGION FROM THE ANTHROPOLOGICAL POINT OF VIEW

Summary

The analysis of anthropological conditions of the Podhale Region in perspective of the anthropological structure of the population dwelling in the southern limitrophe zone of the Vistula Basin leads to the following conclusions:

On the foothills of the Central Carpathian Mts, just as on the foothills of the Sudets Mts, an archaic zone has survived consisting of an absolute majority of Lapponial element dwelling between the great route of Subcarpathian loess formations, connecting the Ukrainian Steppe with the inside of Western Europe, in the north and with the wooded Carpathian slopes below the track of the meadows and pasture-grounds called *połoniny* and *hale*. Using that track the Wallachian shepherds moved from the interior of the Balkan peninsula, almost up to the Danubian slopes of the Western Carpathian Mts.

The archaic zone of an overwhelming majority of Lapponial element is most probably a relic of a formation testified by the epipaleolithic discovery from Ofnet in Bavaria.

The inhabitants of the above mentioned track of meadows and pasture- grounds have some influence marks of the shepherd Wallachian

population with a considerable touch of Armenian element, comparatively well preserved in the anthropologic relics of the East Carpathian population viz, in the Guzuls which became Slavianized not long ago.

The inhabitants of Podhale, although they undoubtedly belonged previously to the anthropologic shepherd group, prove to be much more alike the population of the Sandecka Valley.

It proves that the main mass of the population which settled in Podhale came from that very direction. This is also in concordance with the general topographic configuration. The population from the foothills and especially from the Sandecka Valley moved in the mountains along the valley of the Dunajec River. The more typical mountaineers (Górale), both Polish and Russian, in the Carpathian zone of the Żywiec, Grzybów and Gorlica Districts have still a marked resemblance to the Wallachians from the Province of Moravia.

The Podhale Region, together with the neighbouring foothills, deserves a thorough investigation on a community scale, or still better a parish scale, because the parishes are the genuine isolation centres of the village population, as it has been proved by Krystyna Modrzewska. A district scale is too general and effaces the local particularities.

It should be emphasized that the investigations of Julian Talko-Hryniewicz didn't sufficiently elucidate the anthropological conditions of the Podhale Region and its neighbouring foothills. They give erroneous results because Talko-Hryniewicz as an "experienced anthropologist" used to chose "typical" samples, whereas correct results can be obtained only at random, if one cannot embrace the whole material investigated. His results proved to be worse when he has dealt with the Gorals, looking for the Dalmathian type. As to his investigations on the inhabitants of the foothills, the results are better, because there he didn't much care about choosing his observation material.

His other investigations revealed that he had a special predilection in choosing beautiful women.

This caused enormous divergencies between the anthropological picture of men and woman, like, for instance, in his investigations in Lithuania.

JÓZEF GAJEK

A STUDY ON THE ETHNOGRAPHIC DIVISION OF POLAND INTO REGIONS.

Conclusion

The present attempt to sum up the existing Polish ethnographic cartograms leads to the following conclusions:

1. Poland is distinctly differentiated from the point of view of folk inventory composition into a number of spatial units, their boundaries being more or less analogous to the:
 - a) various ranges of Polish dialects elaborated by K. Nitsch;
 - b) administrative and political frontiers of various periods (since the 13th century till 1918);
 - c) areas of various tribes and kindreds (compare St. Arnold and J. Natanson — Leski);
 - d) sketch cartogram by J. St. Bystroń in his Introduction to Polish Ethnography (2nd edition);
 - e) ranges of archeological cultures in Poland (the archeological ranges and their confines have been worked out by J. Czekanowski, Ethnographical delimitation of Poland in the light of history, 40th report of the Polish Academy of Sciences and Lettres (1935), no 3, page 64; K. Moszyński, Causes of folk culture differentiation, Lud IV, page 88 B, fig. 3. A. Nasz in relation to Silesia: op. cit. page 397, map 8);
 - f) as well as in accordance with the late colonization processes (North Prussian Masuria, Kurpie) thus analogous to the route of the primitive mountain and backwoods deserts.
2. The above mentioned spatial units are of two kinds; one of them are the result of exterior foreign influences and divide Poland into zones, belts and smaller areas; their characteristic feature is a certain spacial overflow because the diffusion of some particular elements for centuries penetrated into the ethnical territory of Poland and enfolded it in a various degree.
3. The second type of the spatial units is limited; here belong cultural regions, connected with a geographical environment which was, true enough, changeable but definite, cultural regions connected with a multisecular historical tradition. Those units, which have been called in the present paper regions or cultural fact complexes, are just analogous to the ranges of dialects, tribe and kindred territories and more recent administrative and political frontiers, such as the Prussian annexed territory, or the Province of Podlasie, the latter being an area belonging to the ancient Jadzwingi tribe with a layer of Masovian colonization.
4. The zonal differentiation of Poland because of a diffusion of spatial influences is composed of:
 - a) ranges of western influences parting Poland along the axis passing from north-east to south-east. Three belts can be singled out in that connection (see map) — the western one (Silesia, Great Poland, Pomerania, Varmia, Western Little Poland and Masovia), the middle one: (see map) Masovia, Poland, former East Prussia),

- the eastern belt the least influenced by the west- (part of the Lublin Voivodeships, Rzeszów and Kielce Voivodeships);
 - b) the second bundle of ranges lies on the north-eastern borderline with a relic inventory preserved by the backwoods environment but having also elements connecting that area with White Russia, Lithuania, Latvia and even with Estonia and Finland;
 - c) the third borderline is composed of northern ranges of mountaineer culture elements, with an important contribution of Wallachian, Roumanian, Hungarian, Ukrainian and perhaps even more ancient Thracian elements carried westward by the Carpathian shepherds.
 - d) the fourth ethnographic boundary of foreign influences is the range confluence of phenomena typical for Bohemia, Southern and Central Germany and Lusatia, the northern and eastern confines of the mentioned ethnographic boundary being in Silesia;
 - e) a special problem is the area of Western Territories which returned to the Polish State after World War II. (Pomerania, the Lubuska Province, East Prussia and Lower Silesia) where the material culture left by the German population and found by the settling population has also a boundary character; this phenomenon is located within the limits of the spatial zones in map No. I;
 - f) the southern zone is probably also the results of ancient influences which were coming from the south; above zone comes to light within the ranges of foot mortars and perhaps distaff bodkins ought also to be ranked among; yet it request, some additional typologic and ethnographic investigation.
5. Beside those spatial units the before mentioned ethnographic regions come forward fairly distinctly — the region of Little Poland and Silesia (both have analogies in the Ukraine, Great Poland, Province of Sieradz, West Pomerania, with the East-Pomeranian Baltic substratum and with the Masovian Region). The spatial conditions between the regions are illustrated by the maps from 3 do 8; they throw also light upon their mutual dependency and relations.
 6. In the Little Poland Region is worth mentioning the western part of the Rzeszów and Kielce territories as well as the southern part of the Lublin Voivodeship, thus to the north of the Highland — Lask boundary; that area free of western and north-eastern influences lies south-west from the north-eastern boundary and is a territory which was in the past in the least degree subject to diffusion and migration processes. On the other hand, we find here Ukrainian and Little Poland's cultural equations.
 7. In a number of maps appear analogies between the north-western zone (Pomerania, Kashubia) and Little Poland, especially its eastern part. Similar equation can be perceived between the Podlasie Province

and the Beskid Mts (especially the Zywiec Chain). It leads to the presumption that the Masovia Province such as we know it today has a character of a delimiting area, thus of an area which is younger in the cultural sence.

8. Finally it ought to be emphasized that the watersheds of the Bzura, Ner and Pilica — Warta Rivers, thus the areas of the Sieradz and Łęczyca Districts were the gateway for the influence of numerous phenomena coming from the west which is registered in the maps by means of a wedge tearing the ranges of the old phenomena existing in the Sieradz and Kalisz Districts as well as in the Kielce and Radomsko Territories. Above wedge turns more or less from the line Matów — Kunelów to the east, in the direction of Sandomierz and Zawichost, crosses the Vistula River and runs into the Rzeszów and Zamość areas. The results of the said influence on those territories is a vanishing of old forms of cultural phenomena.

Map. 1. Intensity of western influence.

2. Crossing of the zone of western influence with the north-eastern boundary.
3. Main boundary zones and territories of cultural complexes.
4. Silesian cultural complex.
5. Territory of ranges belonging to the cultural complex Great Poland — Kujawy.
6. Spatial range of the Sieradz cultural complex.
7. Spatial range of the Masovia cultural complex.
8. Ranges of cultural complexes Little Poland — Pomerania.

KRYSZYNA HOFMAN-LIANDZIS

SOME TRADITIONAL CEREAL CULTURES IN THE POLISH VILLAGE IN THE LAST DECADE OF THE 19th AND AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY.

Summary

The present article deals with the cultivation of some relic and archaic cereals which survived in the peasant rural economy until very recently; it is based on ethnographic field investigations from the whole territory of Poland. With that material the author's aim was to make a cartographical-comparative analysis and to draw conclusions on the dynamics of the Polish folk culture in the domain of some traditional cereal cultivation. Out of various relics the article emphasizes in the first place the mixing of wheat and rye (map No 1) and the sowing of some old sorts of rye, among others a kind of rye called krzica (map No 2). In this connection the author gives an explanation of the various

meaning of the expression „krzyć się” (map No 3) and a survey of old traditional sorts of rye cultivation (map No 4), shows the range of old traditions regarding spring rye cultivation (map No 5), as well as the range of spring and winter wheat (map No 6).

On base of results obtained a centre of most traditional elements, connected with cereal cultivation has been marked out (map No 7). As an attempt of a cartographic interpretation in tracing limitrophe zones of cultures not on base of their ranges but on base of their transition forms (map No 8) a three-zonal belt has been drawn showing the range of elements connected with the traditional cultivation of cereals but having a transitional character. A relative chronology showing the vanishing of cereal traditional elements cultivation on base of their limitrophe range analysis is given in map No 9.

JERZY GROCHOLSKI

METHODS OF DRYING CORN IN POLISH PEASANT FARMS IN THE 19th AND 20th CENTURIES

Summary

The present work is an attempt to analyse, in frames of a systematic differentiation, the various methods of drying corn in Polish peasant farms in the 19th and 20th centuries taking into consideration changes in time and space connected with the disappearing or spreading of the basic forms. Till recently it was impossible to carry out detailed investigations because the material on that problem had a very fragmentary character. It was not until the results of territorial research work in 338 places of the Polish Ethnographic Atlas steady network were elaborated in a cartographic series (according to uniform questionnaires) that the author was able to make a cartographically — comparative analysis of the data from the whole territory of Poland. In order to examine the collected materials in a wider scale he made use (for illustration purposes) also of some publications by foreign authors dealing with that problem in other European countries (Austria, Germany, Czechoslovakia, Italy, Slovenia, Sweden, Ukraine, White Ruthenia).

The formal and comparative analysis of the cartographic materials worked out leads to the following conclusions:

- I. The various methods of drying corn in Polish peasant farms can be divided into two main categories:
 - a) drying of mown corn („na garściach”);
 - b) drying of sheaves.

The latter category covers three systematic groups: I Drying of single sheaves. II Drying of shocks. III Drying by means of different wooden devices.

Above groups can also be split into subgroups, types and varieties according to the way of stacking sheaves (e. g. horizontal, vertical stacking) and to their quantity. The oldest traditions which survived in Poland mention the following basic methods of drying corn:

- a) drying of mown corn.
- b) drying of single sheaves stacked horizontally or vertically.
- c) drying of shocks horizontally crossed or horizontally parallel.
- d) drying of vertically circular shocks or shocks set vertically in drills (see tables III and IV) and
- e) drying by means of various wooden devices (see table V).

At the end of the 19th century the most extended form of drying corn in the southern, eastern and central provinces of Poland was the procedure to dry mown corn or set in horizontal shocks and above all in horizontally crossed; less often was the corn dried in single sheaves. Vertical shocks were found mainly in north-western regions, and less often in the Carpathian foothills, in the Lublin Region and in the Podlasie Province. The range where corn was dried by means of various wooden devices embraced exclusively mountainous areas.

During the period between the two World Wars and after the Second War the custom of drying mown corn (especially winter crops), in horizontal shocks and in single sheaves has been given up (see maps No I and 3); on the other hand, vertical shocks and especially vertically circular shocks expanded on a mass scale (see maps 5, 6 and 7).

Above expansion of vertically circular shocks and those set vertically in drills which began at the end of the 19th century is connected with the introduction of the scythe as the basic tool for mowing (instead of the traditional sickle), which accelerated the removing of the crops; the setting in vertical shocks, requesting less work and securing a quick drying proved to be more practical than the previous method of setting the corn horizontally. The drying of corn by means of various wooden devices — now, as before, is met with in the highlands as a particularly typical example of a form conditioned by geographic and climatic factors (see map No 9). 3. Corn shocks differ both as for their setting and function. In that respect the following differentiation of basic shock forms is noteworthy:

- a) The function of vertical shocks is the drying of corn bound in sheaves, as a rule immediately after having been mown; in vertically circular shocks chiefly winter crops, in shocks set vertically in drills mainly spring crops.

b) Function of horizontal shocks:

to complete the drying of crops which were exposed for drying in mown patches and to store in the field crops temporary protected against rain; horizontally crossed shocks concern mainly winter crops, horizontally parallel shocks are arranged mainly for spring crops (the above is basically a preparation of the crops to be taken to the barn).

4. The horizontal shocks, being a form connected (as to the manner of setting the sheaves together and as to their function) with the ricks or stacks, derive probably from the ancient tradition to keep the crops in the open air or under a covering; that circumstance may prove that in the zone of the form discussed, barns appeared comparatively lately. It is of interest to note, that shocks of this type survived for the longest time in South-Eastern Poland where, according to statistical data prevail barns of the smallest cubic capacity on a country scale.

5. Undoubtedly many a fact suggests that the shocks appeared in Poland as a form borrowed from Germany (ancient expansion ranges, mainly in south-eastern provinces, some loan-words). Yet numerous Polish names within the limits of expansion ranges, stated according to oldest traditions kept (e. g. „kopka” vel „kupka”, „postawka” vel „słonik”, „kuczka” vel „kucka”, „rząd”, „koziół”, „baba”), are arguments in favour of a national provenance of both the vertically-circular shocks and the shocks set vertically in drills — irrespective of analogic forms brought by the German immigrants. On the other hand, sporadically the forms found in Poland of late (20th century), i. e. shocks set vertically in three- and in four-drills are probably of German origin (the three-drills shocks being a Brandenburg — Łużyce variety and the four-drills shock a Lower-Silesian one).

6. Among numerous names of crop shocks (see maps No. 4 and 8) two groups of names are of special interest:

- a) names connected with the form of the shocks (e. g. „Krzyż” — Poland, „kriz” — Slovakia, Slovenia, „kreuz”, „kreuzhaufe” — Austria, Germany, „crocette” — Italy).
- b) names connected with the quantity of sheaves in the crop shocks.

The dialectic terms belonging to the second group like, for instance, „dziesiątka” (10 sheaves), „mendel” (15 sheaves) and „półkopek” (30 sheaves) are relics of the ancient means of counting the crops on the basis of the sheaf quantity; those were counted by a sixfold — decimal system (one kopa sixty sheaves equalling four mendels or two half — kops — „półkopki”). Especially the counting in mendels and półkopki is a classical example of this sixfold-decimal system.

7. The basic methods of drying crops stated in Poland (horizontal shocks, vertical shocks, crops dried by dint of various wooden devices) are also spread in many other European countries, the expansion ranges of the different ranges being subject to geographic and climatic conditions. It is presumed the above forms same into being in Slav, Roman and German countries quite independently under the influence of similar geographic and climatic conditions. This might be an explanation of the numerous analogies of so spacious a territory and so differentiated from the ethnical point of view as the territory of Europe. As to cultural peculiarities, those are seen in the specific forms of the varieties, the expansion zone of which points to the genetic link with territories of some groups or ethnic formations.

JANUSZ BOHDANOWICZ

BARNs, CALLED SPICHRZE — COMPARED TO OTHER GRANARIES IN PEASANT FARMS IN POLAND AT THE TURNING POINT OF THE 19th AND 20th CENTURIES.

Summary

The article under the above title is as a matter of fact the first attempt in the Polish literature to make a classification of peasant barns based on the principle of a morphologic functional, temporal and spatial differentiation.

The problem of barns has been discussed in comparison with other farm premises serving the same purpose. The examination of the process how the barns disappeared and of the development dynamics of the new premises for the threshed corn enabled to explain the reason of the regression of the barns on the territory of Poland.

The material basis of the present article were territorial investigations connected with the P.A.E. (Polish Ethnographic Atlas), dealing with the problem of barns, and performed in 1955. Besides the results of atlas investigations, the author made use of the unpublished materials, from ethnographic archives, philologic and architectonic institutes; as to the literature and results, he quoted them from questionnaires. When working at the problem he used the cartographic and comparative method. The spatial range of the barns was examined on base of their quantitative differentiation. The typologic classification was performed on base of systematics by pointing out characteristic sets of features for the territory investigated.

When analysing the material of 1860—1960 and basing on literature and sources before that period one can state that the barns on the territory

of Poland are in full regress. Map No I shows the process of barn disappearance during the last century. The areas drawn under I mean the territory where the barns appear in all places, under 2 — territory where the barns are met with sporadically, under 3 — territories with no barns but with a live tradition of them, under 4 — territories with no barns and no tradition kept but the literature, mostly historical, gives evidence that such premises did exist before the period investigated in this article.

The reasons of the disappearance of barns on the territory of Poland are most certainly the spreading of new, more economic premises for keeping the corn, such as (in a chronologic succession): pantries (map No 13), pantries near farm premises (maps No. 15 and No. 16) and garrets in premises and living houses (No. 14). Investigations of particular objects, basing on the analysis of the whole material, have shown that the barns found on the territory of Poland could be divided into several types and varieties. In order to make a typologic differentiation the author based on a morphologic principle. Among features which ought to be taken into consideration, the following should be quoted first of all: construction of walls (map No. 3), forms of the roof (map No. 4), kinds of foundation (map No. 5), planning (map No. 6) and size.

When confronting the results of the maps from No. 3 to No. 6, one can state that the spatial ranges marked on them point to some regularities and this leads to the elimination of definite types and varieties of barns, summing, so to say, features of the same spatial spreading. In order to facilitate the problem, those types are given names, according to their territorial localization.

I. Type of the Silesian — Spisz Region (map No. 8). The characteristic features of that type are: planning in a shape of a rectangle or a square, the dimensions being from 3×3 to 4×5 m; the framework of the wall is pasted all over with clay; the foundation laid directly on earth, on groundwork or on corner stones; domeshaped arched framework, forming the ceiling of the barn; the building is storeyed, with a ladder inside and a two or four - shed roof, comparatively flat, lightly covering the framework, structurally not connected with the latter; from the genetic point of view the author ranks that type with the round, South — European and Slovakian barns. The range of that type on the territory of Poland is one of the arguments in favour of the above hypothesis.

II. The so called Lubelsko — Mazowiecki type (map No. 8). The characteristic features are: planning in a shape of a square with sides in the limits of $2,5 \times 2,5$ to 4×4 m; timbered walls; the foundation laid directly on the earth or on corner stones; one - storeyed construction; roof of a pyramidal shape or a four - eaves one, often hanging deeply down., thatched. The author links genetically above type through South — European barns called „ambary” with the Old Slav box - shaped

granaries and presumes that type to be the oldest met in Poland. The range of that type, embracing areas with the most conservative buildings, as well as some results of archaeologic investigations, are the main arguments supporting the hypothesis of that kind of barns.

III. The Northern East — European type. This type splits into two subtypes: barns with a narrow front wall (map No. 9) and with a wide front wall (map No. 10). The common features of the subtypes are: planning in a shape of an rectangle, their dimension being 2×3 m — 4×5 m., timbered walls, foundation on piles or on corner stones, one storeyed construction, roof with two eaves, not hanging down; if the roof is hanging down, it is sometimes supported by pillars. The features by which the subtypes differ are: the entrance and the recess are in the wide front wall or in the narrow wall, the interior is planned in line with these features. The author thinks that the north-western European type dates probably from the XIIth, XIIIth century in the Slav regions where granaries, called *klecie* and *żytnice* are met together with log-barns playing the role of dwelling premises and store-rooms for keeping garments. IV. In addition to above mentioned we sporadically find in Poland barns which are morphologically connected with the Scandinavian and German granaries (photos No. 20, 21, 22) are new stone barns which are basically a further continuation of the ancient wooden form.

The names of the barns show some connections with their morphology. Six of them, belonging to different roots of the language because of their wide spreading and frequent use, have been described in a more detailed way in the present work, viz. „*spichrz*” and forms connected, „*swiren*” and forms connected, „*sypaniec*” and words connected, „*sulek*” — „*solek*”, „*lamus*” and „*komora*”.

The summing of the results, shown on the map which points the range of the barn with the results of maps showing the range of the other means for keeping the corn (maps 13—16), the data from literature and the genetical investigations — all that gives the possibility to reconstruct in a dynamic form the process of coming into being, development and causes of the gradual disappearance of the barn on the territory of Poland. It is most certain that the chorologic stages of above process were as follows:

The most primitive forms of premises for keeping corn, according to archaeology and history of Western Slav territories were holes for the corn, bins and receptacles of conic form, called *spichrze* *koszowe*. The geographic ranges of above mentioned old forms for keeping corn were mainly conditioned by the geologic and geographic structure of the area. The function of those primitive „barns” (*spichrze*) was exclusively to keep the corn.

During the period of early feudalism in the Xth—XIIIth century, due to changes of the farming forms, the small and unpractical receptacles like the before mentioned holes and conic granaries proved to be not spacious enough to keep the whole harvest. It was, therefore, necessary to look for new constructions which could be a dry and convenient depository for storing corn during winter. The role of such depositories begin to play small house — like barns (genetically connected with the box-shaped granaries) on two or four pillars. That old form of the Slav barn called, „*żytnica*”, „*sąsiek*” (the construction of which was rather similar to the „*ambar*” log — granary) developed later into a type of corn receptacle whose range still covers the southern and the central — eastern part of Slav territories (the Lublin Region in Poland) and in the 10th—14th centuries embraced probably the whole Slav area. The function of those house-like small barns called „*kleć*” and perhaps also „*solek*” was exclusively to keep corn.

In the 12th—14th centuries due to western and north-western influences two kinds of premises for keeping corn prevailed in Poland: log — buildings having beside the function of keeping corn another function, i. e. to serve as a sleeping room and a store-room for keeping dresses; in a later period the second kind of premises appears, viz, a cell attached to the house.

The log-barn, serving for the three functions mentioned above developed, most probably, from the Slav granary under the influence of North — German receptacles serving for living purposes and for storing garments.

By such an interpretation of its genesis that process must have taken place in the limitrophe zone of North-German and Slav territories if we take for granted that it happened through the German mediation in the zone of the eastern German-Slav frontier. The names „*spichrz*”, „*lamus*” which are of German origin, suggest that the second hypothesis is more probable. Owing to the expansion of the barn with a triple function the old granaries vanished from the territories where the afore, said German influence was most strong (Pomerania, Greater Poland) and from areas where petty gentry manors prevailed. Yet, the new form of the barn did not cause the total disappearance of the old objects. The new granaries were adopted only by big land property (petty gentry, free farmers), whereas minor peasantry still used the old means of keeping corn.

The type of triple function barn did not find an application in the northern part of the Province of Małopolska because of the economic structure of that region. Yet, under the influence of that building the

old forms of receptacles, the so called „klecie” (similar to the „ambar” granary) changed into a transitory type containing both old and new features.

The area specificity of the Silesian Region was the reason why the new barn did not find application in such forms as in the remaining territory of Poland. Its log- construction after having met the old Silesian or Slovak type of barn (wattled and pasted all over with clay) changed into- specially strong log - type dome - shaped barn which became a kind of fortification work.

The economic development of the Polish village during the 14th—15th centuries caused that the barns of the old type proved to be too small (just like the previous holes and bins) to meet the requirements. In big farms the question of storing corn had been completely settled by means of building bigger barns with triple functions to serve as granary, living room and storage for garments. As to small farms that role has been played by the pantry, — a new store - room spreading in Poland under the German influence.

The application of that sort of receptacle in the peasant household had a double action upon the barns existing in Poland:

1. It led almost on the whole territory of the country (except in the northern part of the Lublin Region and in Silesia) to a gradual vanishing of the corn receptacles of the „kleć” type, which were up to that time in general use.

2. It gradually limited the role of the tree - function receptacles in big farms. The before mentioned cell by the house became both a living and a cloak-room although it did not quite eliminate the existing barn.

In the XV—XVIII centuries beside those cells in the complex of living premises new corn receptacles appear in Central and Eastern Poland; they were either annexes to the farm buildings or made a unit with the house or with the granary called „spichlerz” or „komora”.

The cause of their application was the impoverishment of big farms which had previously a barn; another reason explaining their origin was the tendency to adjust the cell annexed to the house for living purposes. Premises of that type didn't find a wide use. Neither did they have influence upon the elimination of the basic forms of that period, the aforementioned „spichrze” and „komory”. The two kinds of storages for threshed crops, the „spichrze” and „komory” are met with almost on the whole territory of Poland up to the end of the 17th century, i. e. to the moment when under the influence of stone constructions and of the new forms of granaries garrets in houses, first the „spichrz” and later the „komora” gradually vanish, beginning from north and west.

TOMASZ SKARŻYŃSKI

BARNs CALLED STODOŁY IN THE POLISH FOLK BUILDING IN THE 19th AND 20th CENTURIES

An ethnographic analysis of some of its features.

Summary

The aim of this work is to present in a cartographic form some problems connected with the shape, function, construction and dialectic nomenclature of the building serving in the peasant rural economy for the storage of non - threshed corn, straw and hay. The material base for the work were field investigations carried out in 1954 — 60 for the Polish Ethnographic Atlas in 336 villages of the permanent network. In some cases the cartograms were enriched with material taken from literature, scientific archives and questionnaires.

On base of archaeologic excavations (e. g. the City of Gniezno) we can state that probably as early as at the beginning of the Middle Ages the Polish population used some special buildings for the storage of the crops. Yet, the genesis of the barn on the territory of Poland has not been quite elucidated up to now. In literature prevails the view that above building is of German origin because of its name („Stadel” — Polish stodoła).

The differentiation on the basis of the barn localization within the limits of a peasant farm can cast some light upon the origin of that premise (map No. 2). In the south of the country we meet only clay threshing floors contiguous to the living house or to some other farm buildings; they may as well separate the living house from other farm buildings. Those threshing floors have been probably one of the most primitive forms of the barn.

One can presume that the so called sasięki-corn-bins have been completed later. At the present time we find on the territory of the whole country detached barns with threshing floors and corn - bins.

Map No. 2 shows the range of the polygonal barns on the territories of Poland and Czecho-Slovakia being one of the most primitive forms of detached barns which were perhaps the continuation of round huts in a horizontal plan.

The function of the barn wasn't everywhere the same. As it is shown on map No. 3, in the eastern part of Poland that building serves not only for threshing of the corn on its threshing floor and as a storehouse for Straw and hay but often plays additionally the role of a granary.

On the basis of an analysis of map No. 4 we can state that there is a tendency in the northern regions to construct country buildings with

a narrow front wall. The ranges of barns and living houses built in that way are the proof of it.

There is a hypothesis in the ethnographic literature that the barn originates from the living house. That opinion is supported by the fact of meeting in Poland ceilings or constructions made of perches protecting the threshing - floors or the corn - bins (central and north - western regions. See map No. 5).

Maps No. 6 and 7 are devoted to the dialectic nomenclature connected with the barn. It is of interest to consider the range of the name „zapole” (meaning corn-bin), which probably occupied previously a much larger territory and now has been interpenetrated by the range of a more recent and very expanded name of sásiek (also meaning corn-bin). Such names as „sásiek”, „zapole”, „strona” may prove that the threshing floor existed first and the corn-bins have been adjoined later.

The last group of maps (Nos 8, 9, 10, 11) illustrate various constructions of walls and roof models of barns on the territory of Poland. It results from those maps that the barns with a framework construction with planking is the most popular model found everywhere in Poland. Beside that form we meet in the western regions stoned constructions and barns with wooden walls plastered with clay; in the central provinces clay constructions and wooden constructions with cross-beams between the corner pillars; in the south-eastern part of the country log, wooden constructions with cross beams, wattled and built of a combination of planks and stone pillars. The universal form of the roof in the whole country is the two — slope roof, whereas the four-slope roof has a territorial range almost similar to the log — construction of the walls (south — east). In sum, when speaking of barns, there is a tendency like in the living - houses to lower the height of the roof and to rise the height of the walls, the proof being the spreading of the new fashion, i. e. high barns with a low, two - slope roof.

KAZIMIERZ PUDEŁO

NEAT CATTLE AS DRAUGHT — ANIMALS IN PEASANT FARMS IN POLAND IN THE 19th CENTURY AND IN THE FIRST PART OF THE 20th CENTURY

Summary

The author of the present work deals with the problem of draught-power in the peasant rural economy within the period of about 100 years (1860—1954). His conceptions are mainly based on an ethnographic ma-

terial collected by means of field investigations carried out in 1953—1954 and concerning agriculture and breeding. Above material comes from 336 investigation posts of the Polish Ethnographical Atlas steady network and was gathered by dint of a uniform questionnaire.

The principal draught - animals of the contemporary peasant farms are horses which spread in the Polish villages not long ago, i. e. in the 19th and in the first part of the 20th centuries. Up to that time the traditional draught-power in Poland was neat cattle, mainly oxen. Cows were used as draught - animals in Poland exclusively in unfavorable rural situations, thus in time of war and natural calamity, the exception being Upper Silesia and a part of Greater Poland where the application of cows for agricultural work was a result of peasant economical calculation.

The process of replacing oxen in agricultural work was a slow one and its course in Poland was not the same everywhere (maps 1, 3); above process is not quite finished yet. The main reason of its uneven run was the economic structure of the Polish territories, this in turn being due to the economic policy of the usurping states (the enfranchisement of peasant in Polish territories under German rule was ended in 1865, in the Austrian annexed sector in 1857 and in the Russian zone in 1880). The liquidation of the feudal system in the country has considerably accelerated the decline of the former custom to use cattle for agricultural work. The possibility of selling with much profit rural and animal products due to the development of the interior market and capitalistic industry, contributed to an intensification of peasant farming. Thus, oxen which were cheap to keep but slow, were changed for horses, more efficient in work.

Yet the horses did but gradually take over all the previous rural functions of the oxen. At first, they were almost exclusively used for communication with places outside the village (map No. 5). For that purpose cattle was also universally used in Poland, up to the second part of the 19th century as well as during World War I when peasant horses replaced the shortage in armies marching through the territory of Poland (map 2 point 2, map 4 point 2). In unfavourable economical conditions (war, natural calamity) chiefly cows were used for field work. Yet the most frequent custom was to harness for agricultural work a horse with a cow or a horse with an ox (maps 1 and 4, point 4). The necessity of harnessing a couple of animals for rural work was conditioned by the fact that up to the first part of the 20th century the traditional ploughing tools, like the wooden ploughs and hoes were very heavy.

For field work with traditional ploughing tools neat cattle was used by preference. It came from the Moldavian steppes or from Ruthenia, according to folk traditions kept (map No. 6), and was of grey colour; lowland and highland Polish red coated cattle was also used.

Oxen as draught animals (they were also reared for fattening) survived for long in manors and in big and small peasant farms (the author does not take into account landless labourers for whom a horse was often the basis of existence). Big farms, the same as manors, had enough pastures to keep oxen for rural work, milky cows and horses for the needs of a quick communication. As to small farms in view of small quantity of crops available, the keeping of a horse was quite impossible. Such farmers sold even oxen in winter time because forage was short.

The period between the two wars ought to be considered as a phase when breeding of neat cattle for draught function has been almost entirely given up. After World War II the relic custom of using cattle for agricultural work has been stated only in mountainous regions of Southern Poland where difficult geographic conditions have eliminated the agricultural exploitation of the horse (maps 1 and 3).

The mechanization and intensification of agriculture in Poland during the latest years is leading to a final liquidation of the afore mentioned traditional methods of land cultivation. The mechanical power being most efficient supplants the draught-power of the animals.

KRZYSZTOF KWAŚNIEWSKI

ELEMENTS OF A PEASANT FARM CONNECTED WITH BREEDING IN POLAND AT THE END OF THE 19th AND IN THE 20th CENTURIES (AN ETHNOGRAPHICAL ESSAY)

Summary

The main aim of the present article is an attempt to make a regional analysis of Poland on the basis of certain data about traditional folk customs connected with breeding. For this purpose the author used cartographical statistical data from field ethnographical investigations carried out in the whole country; he has summed their results taking into account the specific features of the surroundings, as far as climate, forage supplies and intensity of breeding were concerned.

The article quotes traditions about leaving the animals alone in the open air (map 1) and other traditions of keeping them in the open but in special enclosures (map 2, B); emphasis has been laid on some interesting traditional forms of building the farm in a shape of a closed quadrangle with animals formally kept inside (map 2, point 1, 2, 3). Relic forms of keeping cattle and pigs in the living room of the hut (map 3), in the entrance - passage (map 4), as well as relics concerning the keeping of poultry in the hut (map 5), have been described next. All above ethno-

graphic phenomena have been presented both in form of maps and in form of statistical tables with due regards for correlation existing in between those cultural facts.

A fairly minute attention has been given to the form of special premises for animals under the same roof in the living house (map 6) and of its varieties also shown on the map (see drawings of the legend).

Those varieties both from the point of view of their formal features and from the point of view of their expansion range are, probably, further links of the evolution. Cultural parallels between Southern and Northern Poland are also of great interest. As the form of premises for animals under the same roof with the living house is often found in German folk building, the author gave on map 7 forms which are met with in Poland and which are most close to the German forms (see plans). The expansion ranges of those forms don't show any convergency with the ranges of forms most frequently found in Poland. Besides, almost in the whole country special buildings for animals were known long ago, and in Central Poland they are met with almost exclusively. Those facts are another argument in favour of the hypothesis that the Polish rural architecture stands quite apart in spite of contrary opinions existing in the German ethnography.

The comparison of territories where the most important dialectic terms for cattle- horse-, pig - and poultry - premises are used exclusively, enabled the author to define a central zone which proved to be rather similar to the expansion range of the so called central dialect (map 8).

The results obtained suggest the conception of a double-track evolution of the premises for animals in the Polish peasant farms. In poor farms the most ancient form was probably to keep animals free, out of doors and fences or in the living house, if necessary. As to rich farms — animals were probably kept there originally in special enclosures, and before all, in the yards of farms built in closed quadrangles.

Certain particularities shows the traditional shepherd culture of the Carpathian Mts where we can still find the form of keeping sheep in enclosures; on the other hand, the primitive form (and its varieties) of premises for animals under the same roof with the living house is not found there. The likeness of certain features described above was the basis for the isolation of several zones in Poland presenting sets (uneven as to their intensity) of traditional folk culture facts connected with breeding of animals (map 9).

ЯН КУБАРЫ

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ОТШЕЛЬНИЧЕСКИХ ОСТРОВОВ

(на Тихом Океане)

Резюме

Автор на основании собственных исследований в 1871—1875 г. г. на Архипелаге Каролинских островов описал быт жителей Отшельнических островов, открытых Бугенвилем в 1768 г.

Во вступлении Ян Кубары подает характеристику фауны и флоры Отшельнических островов, после чего приступает к описанию жителей с антропологической точки зрения, причисляя их к меланезийской расе. В общем строении тела жители Отшельнических островов остаются далеко позади полинезийцев не только с точки зрения развития сочленений, но и общих размеров их тела.

После подробного описания антропологических признаков, автор переходит к анализу характерных обычаев и рассматривает числовую систему и словарь жителей Отшельнических островов и Самоа.

Эта часть труда Яна Кубары, а также приведенные примеры грамматических форм упомянутых обитателей Отшельнических островов имеет до сих пор чрезвычайную ценность. Кроме того, автор делает довольно подробный обзор организации жизни на Отшельнических островах, описывает строительство, оружие, форму религиозной жизни и проблемы социальной культуры. Большое внимание он посвящает вопросу воспитания молодежи (обряд посвящения, табу, уход за прической и т. д.).

К проблемам материальной культуры принадлежат также описания челноков, т. е. агомеэских лодок. Кроме того Кубары подробно описывает также разного рода орудия труда и вооружения, а также способ изготовления одеяний и пищи.

Неопубликованный до сих пор этнографический обзор Яна Кубары является ценным вкладом в усвоение проблемы культуры первобытных общин на островах Тихого океана.

РЫШАРД ГАНСИНЕЦ

ОБРЯД ПОСТРИЖЕНИЯ В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Резюме

Со времени замечательной монографии Вилькена о жертве волос нет исчерпывающего труда о пострижении. Отсутствие это тем более прискорбно, что Вилькен в качестве этнографа имел в виду прежде всего первобытные народы и толь-

ко случайно упомянул об аналогических обычаях древних народностей, скорее только в подтверждение своих взглядов. Этот значительный пробел в нашем знании о древних временах пополняет настоящий труд. Он не ограничивается сопоставлением и описанием обычаев, но хочет также выяснить начало их и рациональную функцию, мотивы, объясняющие их генезис и способствующие их сохранению в течение многих веков. По этой причине автор избрал описательно-исторический план, а не систематику. В этом представлении Египет с Малой Азией является замкнутой этнографической территорией: это так называемый восточный мир. Эллинская и греческая культуры, несмотря на то, что не один обычай перенимали с Востока, составляют отдельный культурный комплекс, о котором будет речь в следующем томе Археологии.

В Египте мы встречаем полное устранение волос головы и бороды от начала протоисторической эпохи, которая начинается со времен царствования Менеса. Начало этот обычай взял по всей вероятности от королевского двора и распространился потом через представителей государственной администрации, которые были вначале членами королевской семьи; только от этих чиновников другие социальные слои переняли этот обычай. Доказательством того, что пострижение было революционной новостью, следует из факта, что во время официальных выступлений король и чиновники надевали парики и приклеивали искусственные бороды, имитируя таким образом наиболее точным образом прежние настоящие прически и бороды. Генезис этого пострижения нам неизвестен: обычно приводят по примеру Геродота и Плутарха гигиенические соображения; они действительно способствовали сохранению этого обычая, отнюдь не являясь причиной пострижения. На основании исторических аналогий можно бы скорей полагать, что главным мотивом было проявление чувств воинского, даже воинственного характера, потребности дисциплины. Впрочем, пострижение не было всеобщей модой — низшие классы, как нпр. рыбаки и пастыри, придерживались давней прически, с те велюрой и бородой. Для жрецов и служителей храма пострижение стало со временем признаком их сословия, особенно после того, как под влиянием соображений о идеальной чистоте, стали брить брови и все тело. Кроме того известно было в Египте траурное пострижение и пострижение вследствие данного обета, в форме благодарности за выздоровление после опасной болезни. Повидимому позже клеймили приговоренных к принудительным работам в каменоломнях и копях, постригая им пол головы.

В Месопотамии мы находим у жителей Шумера обычаи очень похожие на египетские, притом в данном случае можно констатировать полную изохронию: давно уже полагали, что как египетское так и шумерское пострижение находятся по отношению к друг другу в генетической связи, однако до сих пор нет единомыслия что касается окончательного определения откуда выводился этот новый обычай. В общем существует тенденция приписывания шумерам инициативы, которую западно-арабские племена будто-бы передали Египту. Шумеры брили голову и бороду, а для публичных церемоний надевали парики и прицепляли искусственные бороды. Констатировано такую же концепцию в изображении

богов. Кроме того, пострижение в Шумере не пользовалось такой популярностью как в Египте и особенно жрецы не придерживались этого обычая. Зато вошло оно в традицию королевского двора и властелины Вавилона носили парики и искусственные бороды до персидской эпохи. Наряду с этим придворным ритуалом существовали народные обычаи; особенно популярно было траурное пострижение. Позднее, во время царствования семитских ассирийцев, вавилоняне присвоили новую форму ритуального пострижения: принесение в жертву волос и выдергивание шевелюры и волос для опозорения побежденных и военнопленных. Это опозорение привело в конечном результате к пострижению как видимого признака или скорее клеймения рабов.

У хиттитов только у вспомогательных воинов были наполовину сбиты бороды.

О израильтянах у нас гораздо больше сведений благодаря Ветхому Завету: но теологи скорее усложнили чем выяснили упомянутое в нем пострижение. Констатировано у израильтян существование траурного пострижения в качестве пережитка, предшествующего импульсу вырывания волос и обет пострижения, так называемый назират, известный, впрочем, также другим народам. Достоин внимания факт, что одеяние жрецов и левитов является точным подражанием одеянию египетских жрецов.

У арабов существовали различные формы пострижения. Прежде всего их народным признаком является выбритая часть головы над лбом, также как и эллинская *theseis*, встречаемая, впрочем, также у других семитов. Трудно сказать, является ли это рудиментарным пережитком большого пострижения (вагабиты брили всю голову еще позже) или заимствованием от других племен на территории Малой Азии (нпр. фракийских как фригийцы и абанты). Кроме этих деталей за дальнейшие подробности мы обязаны магометанским писателям, которые полемизируя с оставшимися язычниками, из народных обычаев упоминают также пострижение. Траурное пострижение волос было общераспространенное так же как и пострижение по обету и назират: эти церемонии, которые переняли также многочисленные восточные христиане существуют в закоренившейся практике до наших дней. Некоторые формы пострижения являются заимствованием из греко-римской культуры: прежде всего *aqīqa* (из пострижения эллинских эфебов), пострижение невольников и освобожденных рабов, а также пострижение для опозорения (выдергивание волос) как наказание за прелюбодеяние.

ЯН ЧЕКАНОВСКИ

ПОДГАЛЬЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АНТРОПОЛОГИИ

Резюме

Анализ антропологических условий в перспективе антропологической структуры населения рубежей бассейна Вислы приводит к следующим выводам:

на предгорьях Центральных Карпат, также как на предгорьях Судетских гор, сохранилась архаическая зона абсолютного большинства лапландоидального элемента между большим трактом подкарпатских лёссов, соединяющих степи Украины с внутренней частью Западной Европы на севере и лесистым склоном Карпат ниже горных лугов и пастбищ (*połoniny* и *hale*). Этим самым высоким трактом валашские пастыри передвигались изнутри Балканского полуострова почти до Наддунайского склона Западных Карпат.

Архаическая зона абсолютного большинства лапландоидального элемента составляет наверно реликт формации, подтвержденной эпипалеолитической находкой из Ofnet в Баварии.

На жителях тракта горных лугов и пастбищ видно влияние пастырского валашского населения со значительной примесью армяноидального элемента, сравнительно хорошо сохранившегося в реликтах антропологических элементов жителей Восточных Карпат, не так дарвно ославянившихся, как напр. гуцулы.

Жители Подгалья, хотя первоначально несомненно принадлежали к антропологической пастырской группе, отклоняются от нее в смысле большего сходства с населением Сандецкой долины. Это свидетельствует о том, что именно оттуда нахлынула главная масса населения, колонизирующего Подгалье, что соответствует общей топографической конфигурации. Подгорское население, а в особенности из Сандецкой долины, продвигалась в горы долиной Дунайца. Более типичные горцы (гуралы), как польские так и русские сохранились в Карпатской зоне Живецкого, Грибовского и Горлицкого поветов очень похожими на моравских валахов.

Подгалье, совместно с соседним Подгорьем, заслуживает на подробное исследование в гминном масштабе или, еще лучше, в приходском масштабе, так как приходы являются настоящими изоляционными округами деревенского населения, как показали исследования Кристины Модржевской. Масштаб повета является слишком обобщающим мерилем и затушевывает местные отличия.

Следует подчеркнуть, что исследования Юлиана Тальки-Гринцевича невыяснили надлежащим образом антропологических отношений Подгалья и соседнего Подгорья. Они дают искаженные результаты вследствие того, что Талько-Гринцевич, в качестве „опытного антрополога” подбирал „типичные” лица. Правильные результаты можно получить только исходя из подбора по жребью, если нельзя объять целого. Он дал худшие результаты относительно гуралей, у которых доискивался „динарского типа”. Более хорошие результаты получились у него при антропологическом анализе жителей Подгорья, потому что там он менее старательно подбирал исследуемых.

Другие его исследования показали, что он особенно старательно подбирал красивых женщин. Следствием этого, у него получались огромные расхождения между антропологическим составом мужчин и женщин, как например, в его исследованиях на территории Литвы.

ИССЛЕДОВАНИЯ О ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ РАЗДЕЛЕНИИ ПОЛЬШИ НА РАЙОНЫ

Окончание

Настоящая попытка подытожить существующие польские этнографические картограммы приводит к следующим выводам:

1. Польша, по составу народного инвентаря, отчетливо разделяется на ряд пространственных поясов, границы которых в большей или меньшей степени согласуются:
 - a) с разработанными К. Нитшем полосами распространения польских говоров;
 - b) с административно-политическими границами разных времен (с XIII века по 1918 год);
 - c) с территориями отдельных племен и родовых союзов (сравни Ст. Арнольд и Ю. Натансон-Лески);
 - d) с картограммным наброском Я. С. Быстроны в его введении в польскую этнографию (2 издание);
 - e) с зонами распространения археологических культур в Польше (археологические зоны и их границы, разработанные Я. Чекановским, в его докладе Польской Академии Наук — Этнографическое разделение Польши в освещении истории, доклад 40, 1935 г. нр 3, стр. 64; К. Мошиньски — Причины дифференциации народной культуры, Люд, стр. 88 В, рис. 3. А. Наш — по отношению к Силезии: *op. cit.* стр. 397, карта 8);
 - f) согласуются также с поздними колонизационными процессами (ср. Пруссские Мазурские земли, Курпе), а следовательно с прохождением первоначальных горских пустырей и лесных пустошей.
2. Вышеупомянутые пространственные поясы имеют двойной характер: одни из них являются результатом внешних инородных влияний и разделяют Польшу на зоны, полосы и более малые ареалы; их отличительная черта это некоторая пространственная разлитость, так как вследствие диффузии отдельных элементов в течение столетий они проникли в этническую территорию Польши и в различной степени эту территорию охватывали.
3. Второй тип пространственных поясов ограничен; это культурные районы, связанные с хотя переменчивой, но определенной географической средой, районы, связанные с многовековой исторической традицией. Эти пространственные поясы, которые в настоящей статье были названы районами или комплексами исторических фактов, совпадают именно с зонами распространения говоров, племенными территориями и землями родовых союзов, а также с более поздними административно-политическими границами, такими как захваченные Пруссией польские территории или Подлясье, которое было прежде территорией древних ятвягов с наслоением мазовецкого поселенческого элемента.

4. Разделение Польши на зоны вследствие диффузии пространственных влияний представляется таким образом:

- a) зоны распространения западных влияний, разделяющие Польшу вдоль оси, проходящей с северо-востока на юго-восток. Тут выделяются 3 пояса (смотри карту): западный (Силезия, Великая Польша, Поморье, Вармия, Западная часть Малой Польши и Мазовия); (смотри карту); средний пояс (Мазовия, Малая Польша, прежняя Восточная Пруссия); восточный пояс наиболее слабо проникнутый западными влияниями (часть Люблинского воеводства, Ржешувское и Келецкое воеводства);
 - b) другую группу зон распространения составляют северо-восточные рубежные земли, с пережиточным инвентарем, сохранившимся в лесной среде (пуше), но содержащие элементы, связывающие эту территорию с Белоруссией, Литвой, Латвией и даже с Эстонией и Финляндией;
 - c) третью группу составляют северные зоны элементов горской культуры с важным вносом элементов валахским, румынским, венгерским и украинским, а также, быть может, с более древними фракийскими элементами, приносимыми карпатскими пастырями на запад;
 - d) четвертой этнографической разграничительной линией посторонних влияний это перекресток зон распространения явлений, типичных для Чехии, южной центральной Германии, и Лужицкой земли, которой северный и южный рубежи находятся в Силезии.
 - e) отдельную проблему составляют западные земли, которые после второй мировой войны вошли снова в состав Польского Государства (Поморье, Любушская земля, Восточная Пруссия и Нижняя Силезия), где оставленная немецким населением и перенятая польскими поселенцами материальная культура имеет тоже рубежный характер, но это явление находится в границах пространственных зон на карте нр 1;
 - f) вероятно и южная зона является результатом старых влияний, идущих с юга; она вырисовывается на фоне зон распространения ножных ступ; возможно, что сюда следует также зачислить пряслики, однако это требует еще дополнительных типологических и этнографических исследований.
5. Кроме того вырисовываются довольно явственно описанные раньше этнографические районы: Малопольский, Силезский (оба имеют аналогии на Украине, в Великой Польше, в Серадзкой земле, Западном Поморье с поморско-восточным балтийским субстратом и Мазовецким районом). Пространственные отношения между районами иллюстрируют карты от 3 до 8; они бросают также свет на взаимную зависимость и связь между ними.
6. В Малопольском районе заслуживает внимания западная часть Ржешувской земли, Келецкая земля и южная часть Люблинского воеводства, т. есть территория к северу от горско-ласского рубежа. Эта территория не обьятая западным и северо-восточным влиянием лежит к юго-западу от севера и является местностью, где диффузионные и миграционные процессы протекали в наиболее

слабой степени. С другой стороны мы находим здесь украинские и малопольские культурные равнения.

7. В ряде карт выступают аналогии между северо-западной зоной (Поморье, Кашубия) и Малой Польшей, особенно восточной. Такие же равнения выступают между Подляшьем и Бескидскими горами, (особенно в Живецкой горной цепи). Это вызывает предположение, что Мазовия, такая, какую мы знаем сегодня, имеет характер разграничительной полосы, следовательно территории, которая моложе в культурном отношении. моложе
8. В заключение следует подчеркнуть, что водоразделы Бзура, Нэр и Пилица-Варта, а следовательно территория Серадзкой и Ленчицкой земель, были воротами влициий многочисленных явлений, идущих с запада, которые на картах изображены в виде клина, разрывающего зоны распространения старых явлений, существующих в Серадзкой и Калишской землях, а также в Келецкой и Радомской территориях. Вышеупомянутый клин сворачивает более или менее от линии Матув—Кунелюв к востоку, по направлению на Сандомерж и Завихост, пересекает Вислу и тянется в Ржешувскую и Замойскую земли.

Результатом вышесказанного является исчезновение старых форм культурных явлений.

Карта 1. Интенсивность западных влияний.

2. Скрещение зоны западных влияний с северо-восточным рубежом.
3. Главные рубежные зоны и территории культурных комплексов.
4. Силезский культурный комплекс.
5. Территория зон распространения культурного Великопольско-Куявского комплекса.
6. Пространственное распространение Серадзкого культурного комплекса.
7. Пространственное распространение Мазовецкого культурного комплекса.
8. Зоны распространения Малопольского и Поморского культурных комплексов.

КРЫСТЫНА ГОФМАН-ЛИАНДЗИС

НЕКОТОРЫЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ЗЛАЧНЫЕ КУЛЬТУРЫ В ПОЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ НА ПЕРЕЛОМЕ XIX И XX ВЕКОВ

Резюме

Настоящая статья посвящена описанию некоторых пережиточных и архаических злачных культур, какие сохранились в крестьянском хозяйстве до новейших времен; она основана на этнографических, территориальных исследованиях, произведенных во всей Польше. Исходя из них автор попытался произвести картографическо-сравнительный анализ и сделать кое-какие умозаключения, касающиеся динамики польской народной культуры в области возделывания некоторых традиционных злаков. В качестве пережиточных культур рассматривается здесь

прежде всего смесь пшеницы и ржи (карта нр 1) и сеяние старых сортов ржи, между прочим так называемой кржицы (карта нр 2). В связи с тем автор считает целесообразным представить разные значения слова „krzyć się” — крошиться (карта нр 3), дать обзор культуры старых традиционных сортов ржи (карта нр 4) и распространения старых традиций яровых посевов ржи (карта нр 5), а также яровой и озимой пшеницы (карта нр 6).

На основании полученных результатов выделен был центр наиболее традиционных элементов, связанных с посевом хлебов (карта нр 7). В качестве попытки картографического толкования в определении посевных рубежей не на основании границ выступления этого явления, но на основании протекания переходных явлений, составлена была на карте нр 8 трехвереческая полоса, указывающая на выступление элементов, связанных с традиционной культурой злаков, имеющих переходной характер. Посредственную хронологию исчезания традиционных элементов культуры злаков пытается представить на основании анализа прохождения граничных линий распространения карта нр 9.

ЕЖИ ГРОХОЛЬСКИ

ФОРМЫ ПРОСУШКИ ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР В ПОЛЬСКИХ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВАХ В XIX И XX ВЕКАХ

Резюме

Настоящий труд является попыткой рассмотрения в рамках систематической дифференциации разных способов просушки злаков, культивированных в польских крестьянских хозяйствах на переломе XIX и XX веков, с учетом перемен во времени и пространстве, связанных с исчезанием или распространением основных форм этих культур. До сих пор нельзя было произвести подобного разбора вследствие фрагментарного характера материалов по этому вопросу. Только со времени получения картографически разработанных результатов исследовательских работ в 338 пунктах постоянной сетки Польского Этнографического Атласа (на основании однородных опросных листов) можно было в настоящем труде произвести картографическо-сравнительный анализ данных со всей территории Польши. Для рассмотрения материалов, собранных в Польше в более широком масштабе — был использован (в качестве примеров) также ряд публикаций иностранных авторов, занимающихся описанием этой проблемы в некоторых европейских странах (Австрия, Белоруссия, Германия, Италия, Словения, Украина, Чехословакия, Швеция).

Формальный и сравнительный анализ, обработанных в картографическом отношении материалов, позволяет сделать следующие выводы:

1) Разные способы просушки злаковых культур в польских крестьянских хозяйствах можно разделить на две основные категории:

а) просушка „na garściach”, т. е. в покосах и в) в снопах. Вторая из упомянутых категорий содержит три систематических группы: I просушка в отдельных снопах, II в жатвенных копнах, III — при помощи разных деревянных приспособлений. В каждой из описанных групп выделяется ряд подгрупп, типов и вариантов, в зависимости от способа укладки снопов (нпр., укладка горизонтальная или вертикальная), а также от их количества. Согласно старейшим сохранившимся традициям в Польше, констатировано следующие основные формы просушки хлебов: а) в покосах, б) в отдельных снопах, укладываемых горизонтально или вертикально-параллельных, с) в копнах горизонтально-перекрестных и горизонтально-параллельных (смотри — табл. I и II), d) в копнах вертикально-окружных и вертикально-рядовых (см. табл. III и IV), e) при помощи разных деревянных приспособлений (смотри — табл. V). В конце XIX века наиболее распространенной в юго-восточных центральных провинциях была просушка хлебов в покосах и горизонтальных копнах, и особенно в горизонтально-перекрестных; реже сушили хлеба в отдельных снопах. Вертикальные копны выступали главным образом в северо-западных районах, а на меньшем пространстве на Подкарпатьи, в Люблинском и Подляском районе. Границы распространения просушки хлебов посредством разных деревянных приспособлений ограничивались горными территориями (смотри карта нр 2).

2) В междувоенный период и после II мировой войны заброшено на значительной площади Польши просушку злачных культур в покосах (особенно озимых хлебов), в горизонтальных копнах и в отдельных снопах (смотри карты нр 1 и 3), зато массовым образом распространились вертикальные копны, а особенно вертикально-окружные (смотри карты нр 5, 6 и 7). Распространение вертикально-окружных и вертикально-рядовых копен началось в конце XIX века; это обстоятельство связано с введением косы и серпа, что позволило ускорить собирание урожая; вертикальные копны, представляющие форму, требующую меньшей затраты труда и позволяющую на быструю просушку культур — оказались более практичным способом чем копны прежнего типа, укладываемые горизонтально. Просушивание хлебов посредством разных деревянных приспособлений — как прежде, так и сейчас — выступает на горских территориях и является особенно типичным примером формы, обусловленной географическо-климатическими факторами (см. карту нр 9).

3) Жатвенные копны разнятся не только укладом снопов, но и функцией. С этой точки зрения можно произвести следующую основную дифференциацию форм копен:

а) функция вертикальных копен: просушка хлебов, связанных в снопы, в принципе сразу после покоса; в копнах вертикально-окружных — преимущественно озимые хлеба, в копнах вертикально-рядовых, преимущественно яровые.

4) Горизонтальные копны, как форма, приближенная с точки зрения укладки снопов и функции к скирдам или стогам — вероятно связаны с давними тради-

циями хранения хлебов под голым небом или навесом, что может свидетельствовать о сравнительно позднем появлении амбара в зоне где эта форма выступает. Следует при этом заметить, что копны этого типа сохранились в Польше дольше всего на юго-восточной территории, где по статистическим данным больше всего амбаров, имеющих наименьшую кубатуру в масштабе всей страны.

5) Несомненно ряд фактов внушает, что вертикальные копны появились в Польше в качестве заимствования из Германии (прежние зоны распространения, главным образом в северо-западных провинциях, некоторые заимствованные названия). Однако, многочисленные польские названия, констатированные в зонах распространения, определенных согласно старейшим сохранившимся традициям (нпр. „kopka”, vel „kupka”, „postawka” vel „słonik”, „kuczka” vel „kucka”, „rząd”, „koziol”, „baba”) свидетельствуют о родимом происхождении как вертикально-окружных так и вертикально-двухрядных копен, независимо от аналогических форм, завлеченных немецким пришлым населением. С другой стороны, спорадически, от недавних времен XX в.) выступающие в Польше варианты вертикально-рядовых копен: трехрядная и четырехрядная копны — вероятно германского происхождения (трехрядный вариант — бранденбургско-лужицкого происхождения, а четырехрядный — нижнесилезского).

6) Среди многочисленных названий жатвенных копен (смотри карты нр 4 и 8) отличаются две группы:

а) названия, связанные с формой копен нпр. „krzyż” — крест — Польша, „križ” — Словакия, Словения, „kreuz”, „kreuz-haufe” — Австрия, Германия, „crocetta” — Италия.

б) названия, указывающие на количество снопов в копнах. Диалектические термины, относящиеся к этой группе, как нпр. „dziesiątka” — десятка (10 снопов), „mendel” (15 снопов) и „rółkorek” (30 снопов) являются пережитками давнего способа подсчета урожая на основании количества снопов, которых считали на „копы” (60 штук), по 6 десятков, по 4 менделя или по 2 пулкопека. Особенно счет на мендели и на пулкопки является классическим примером применения архаической шестидесятиричной системы.

7) Основные способы просушки хлебов, существующие в Польше (горизонтальные копны, вертикальные копны, сушение хлебов посредством разных деревянных приспособлений) распространены также во многих других странах Европы, причем размещение зон распространения указывает на то, что отдельные формы обусловлены географическо-климатическими условиями. Эти формы выработались, как можно полагать, независимо в славянских, романских и германских странах под влиянием схожих географическо-климатических условий, что могло бы быть объяснением причины выступления так многочисленных аналогий на пространственных, так дифференцированных с этнической точки зрения территориях Европы. Что касается культурных особенностей, то они проявляются в специфической форме ряда вариантов, зоны распространения которых указывают на генетическую связь с территориями некоторых групп или этнических образований.

АМБАРЫ, ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ „SPICHYZE”, НА ФОНЕ ИНЫХ ПОМЕЩЕНИЙ ДЛЯ ХРАНЕНИЯ ЗЕРНА В КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВАХ В ПОЛЬШЕ НА ПЕРЕЛОМЕ XIX И XX ВЕКОВ

Резюме

Статья — амбары на фоне иных помещений для хранения зерна в крестьянских хозяйствах в Польше на переломе XIX и XX веков является в основном первой попыткой в польской литературе произведения типологии крестьянских амбаров, руководясь критерием морфологии, функции и временной и пространственной дифференциации.

Проблема амбаров разбиралась в сопоставлении с другими хозяйственными помещениями, исполняющими ту же функцию. Выделение с одной стороны процесса исчезания амбара, а с другой стороны динамики развития новых помещений для вымолотого зерна, позволило исследовать причины выхождения из употребления амбара на территории Польши.

Материальной основой настоящей статьи были территориальные исследования Р. А. Е. (Польского Этнографического Атласа), произведенные над проблемой амбаров в 1955 г. Кроме результатов исследований, связанных с атласом автор использовал в своем труде неопубликованные материалы из архивов этнографических, филологических и архитектурных институтов, а литературу и результаты привел из анкет. При разработке проблемы применялся картографическо-сравнительный метод. В пространственном отношении материал, касающийся выступления амбаров учитывал их количественную дифференциацию. Типологическую классификацию амбаров произведено на основании систематики, выделяя пространственное проявление характерных комплексных признаков для данной территории.

Анализируя материал 1860—1960 годов, основываясь на литературе и источниках, относящихся ко времени, предшествующему этой эпохе можно констатировать, что амбары на территории Польши являются регрессирующим процессом. Карта nr 1 представляет процесс исчезания амбаров в течение последнего столетия. Начерченные на ней провинции обозначают: 1 — территорию, где повсеместно выступают амбары, 2 — местности, где амбары встречаются спорадически, 3 — территории, где хотя амбаров и не обнаружено, но где сохранились традиции об их существовании, 4 — территории, где нет амбаров и не сохранилась о них традиция, однако литература, главным образом историческая, свидетельствует о существовании таких объектов, относящихся по времени к периоду, затронутому настоящей статьей.

Причин исчезания амбаров на территории Польши следует искать в введении в обиход новых, более экономических помещений для хранения зерна, какими в хронологическом порядке являлись: чуланы (карта nr 13), чуланы при хозяйствен-

ных помещениях (карты nr 15 и 16) и чердаки хозяйственных и жилых помещений (nr 14). Исследования отдельных объектов, основываясь на анализе всего материала, показали, что выступающие на территории Польши амбары можно разделить на несколько типов и вариантов. Основой для произведения типизации принято в настоящей статье считать принцип морфологической дифференциации. Среди признаков, которые были прежде всего приняты во внимание, следует упомянуть конструкцию стен (карта nr 3), форму крыши (карта nr 4), пол фундамента (карта nr 5), планировку (nr 6) и величину.

Сопоставляя результаты карт от nr 3 до nr 6, можно констатировать, что обозначенные на них пространственные границы указывают на некоторые закономерности, что позволяет, в свою очередь выделить определенные типы и варианты амбаров, суммирующих, так сказать, признаки, имеющие такое-же пространственное распространение. Для упрощения этим типам даны были названия, в зависимости от их территориального размещения.

I. Тип силезско-спижский (карта nr 8). Характерными признаками этого типа являются: планировка в форме прямоугольника или квадрата, имеющего измерения от 3×3 до 4×5 метров; стена сруба, облепленная снаружи слоем глины; укладка основания на земле, фундаменте или наугольных камней; куполообразный сводчатый сруб, составляющий потолок амбара; этажность, с лестницей внутри постройки, крыша двух- или четырехнавесная, сравнительно плоская, свободно уложенная в сруб, конструктивно несвязанная с ним; генетически тип этот автор причисляет к амбарам саклевидным, круглым, южно-европейским и словацким. Пространственное распространение этого типа на территории Польши является, между прочим, одним из аргументов в пользу этой гипотезы.

II. Тип люблинско-мазовецкий (карта nr 8). Характерными признаками этого типа являются: планировка в форме квадрата, со сторонами в границах 2,5×2,5 до 4×4 метров; стены в сруб; укладка основания на земле или на наугольных камнях; постройка одноэтажная; крыша пирамидальная или четырехнавесная, часто аркадная, глубоко насажденная, с сильно выступающими навесами, крытая соломой. Генетически этот тип автор связывает через южно-европейские зерновые амбары, имеющие там это название, со старославянскими ларечными амбарами, считая, что этот тип принадлежит к старейшим амбарам, встречаемым в Польше. Границы распространения этого типа, охватывающие территории с наиболее консервативным строительством и некоторые результаты исследований археологов являются основными аргументами, ратующими за гипотезой происхождения этого типа.

III. Северный восточно-европейский тип. Он разделяется на два подтипа: амбары узкофасадные (карта nr 9) и широкофасадные (карта 10). Общие признаки подтипов: планировка в форме прямоугольника, с размерами в пределах 2×3 метра — 4×5 метров, стена в сруб, укладка основания на сваях или наугольных камнях, постройка одноэтажная и двухнавесная крыша без ниши или же с нишей, в коллонку или без коллонки. Признаки, дифференцирующие варианты: вход и ниши находятся со стороны фасада (широкофасадный тип) или с боковой стены

(узкофасадный тип) и соответствующая, в связи с этими признаками, планировка интерьера. Автор считает, что северный восточно-европейский тип возник вероятно в XII—XIII веках на славянских территориях совместного выступления славянских зерновых амбаров, так называемых клетей, житниц с амбарами в сруб, играющими роль жилых помещений и помещений для хранения одежды — кладей.

IV. Кроме выше упомянутых амбаров в Польше попадаются еще спорадически амбары, связанные в морфологическом отношении со скандинавскими и немецкими зернохранилищами (фот. 20, 21, 22), а также новые каменные амбары, которые, в основном, являются дальнейшим продолжением развития деревянных форм.

Названия амбаров указывают на некоторую связь с их морфологией. Шесть из них, принадлежащих к разным корням языка вследствие их широкого распространения и частого употребления описаны более подробно в настоящей статье, а именно: „spichrz” и родственные названия; „swireń” и родственные названия: „syraniec” и родственные названия; „syłek” — „solek”, „lamus” и „komora”.

Сопоставление результатов карты выступления амбара с результатами карт, относящихся к его типологии, а также карт, указывающих на распространение других способов хранения зерна (карты нр 13—16), основываясь на литературе, а также произведенные генетические исследования, позволяют на отображение в динамической форме процесса возникновения, развития и причин постепенного исчезновения амбара на территории Польши. Следует считать, что этот процесс в хронологическом отношении протекал следующим образом:

Наиболее примитивными формами помещений для хранения зерна, по свидетельству археологии и истории для западных славянских земель, были ямы для зерна, лари и вместилища конической формы — коши (spichrze koszowe). Географические границы распространения упомянутых старых форм хранения зерна, были, в главной мере, обусловлены геологическо-географической структурой их местоположения. Функция, этих примитивных „амбаров” ограничивалась исключительно хранением зерна.

В период раннего феодализма X—XII веков, вследствие изменений форм хозяйства, небольшие и непрактические склады зерна, какими были ямы и коши, не могли уже годиться для помещения всего урожая. В связи с этим, нужно было искать новых конструктивных форм, которые обеспечили бы сухое и удобное хранение зерна в течение зимы. Такими помещениями оказались малые домики — амбарики (генетически связанные с ларьком), на двух или четырех столбиках. Эта старая форма славянского хранилища зерна, называемого „житницей”, „сонеском” (sasiek), в конструктивном отношении схожая с амбаром под влиянием постройки в сруб (в более поздний период срубленных хранилищ зерна) — повлияла на распространение типа строений, границы которых еще сегодня охватывают южную и центрально-восточную часть славянских земель (в Польше — люблинский район), а в X—XIV веках вероятно охватывали все славянские земли. Функции этих маленьких домиков — амбарчиков, называемых „клеть” (kleć) и может быть „солж” (solek), ограничивалась единственно хранением зерна.

В XII—XV веках распространяются в Польше, вследствие западных и северо-западных влияний, два рода помещений для зерна: срубленное строение, имеющее, кроме функции хранения зерна, еще функцию спального помещения и кладовой для хранения одежды; в более поздний период появляется второй род помещений — клеть при избе.

Срубленный амбар для зерна, имеющий тройную функцию, возник по всей вероятности под влиянием северо-германских построек, предназначенных для хранения одежды и пребывания в них людей, на вышеописанный славянский зерновой амбар.

При таком толковании его происхождения этот процесс должен был происходить в северной части германско-славянской пограничной полосы или — принимая что он происходил при немецком посредстве — в восточной германско-славянской полосе. Названия „spichrz” и „lamus” — немецкого происхождения, из чего вывод, что вторая гипотеза более вероятна. Вследствие распространения строения с тройной функцией старые хранилища для зерна исчезли на территориях, которые ввиду своего географического положения скорей этим влиянием подвергались (Поморье, Великая Польша), а также в районах, где господствовало средне-помещичье хозяйство. Новая форма амбара не вызвала, однако, на этих территориях полного исчезновения старых объектов. Она нашла применение только в крупных хозяйствах, (мелкое дворянство, некоторые крестьяне), в то время как мелкое крестьянство продолжало пользоваться старыми методами хранения зерна.

Тип амбара с тройной функцией не нашел применения в северной части Малой Польши в связи с экономическо-хозяйственной структурой данного района. Однако под влиянием упомянутого строения старые формы хранилищ, выступавшие на этой территории „клеть” (похожие на амбар), видоизменились в промежуточный тип, имеющий старые и новые признаки.

Специфический характер силезской территории был причиной того, что и там тоже новый амбар не нашел применения в таких формах как на остальной территории Польши. Его конструкция в сруб, при встрече с типом амбара старо-силезского или словацкого — плетеным и облепленным глиной — приняла, под влиянием последнего, вид сильных куполообразных построек в сруб и приобрела характер укрепленных пунктов.

Экономическое развитие польской деревни в XIV—XV веках привело к тому, что существующие хлебные амбары старого типа стали, также как и предшествующие им коши и ямы, слишком малы, чтобы справиться с задачей. В больших хозяйствах, проблема хранения зерна была решена благодаря применению амбаров больших размеров, имеющих как описано выше тройную функцию, т. е. хранилищ зерна, одежды и жилого помещения, а в малых хозяйствах его роль начала исполнять кладовая — новое помещение, которое распространилось в Польше при немецком посредстве.

Применение в крестьянском строительстве кладовой оказало на существующие в Польше амбары двоякое влияние:

1. Привело почти на всей территории (за исключением северной части Люблинского района и Силезии) к постепенному исчезновению хранилищ для зерна типа „клетки“, которые встречались повсеместно до времени появления кладовых в малых хозяйствах.

2. Постепенно ограничило назначение хранилищ с тройной функцией, выступающих в крупных хозяйствах. Кладовая переняла роль жилого помещения и хранилища одежды, не влияя, однако, особенно на процесс исчезновения самого объекта.

В XV—XVIII веках, наряду с кладовыми в комплексе жилых помещений, появляются в Центральной и Восточной Польше помещения для зерна, пристроенные или составляющие единое целое с хозяйственными постройками или гумнами, называемыми „spichlerz“ (амбар) или „komora“ (кладовая). Причины их применения следует искать в обеднении больших хозяйств, имевших раньше амбар или в существующих тенденциях переделки находившейся при доме кладовой на вторую жилую комнату. Более широкого применения помещения этого типа не находят. На исчезновение, основных в тот период, форм хранения зерна, какими являются амбары и кладовые в избах, они особого влияния не имеют.

Совместное выступление амбара и кладовой — являющихся основными помещениями для хранения вымолотого хлеба — продолжает наблюдаться на территории почти всей Польши, более или менее до конца XVIII века, т. е. до времени, когда под влиянием каменного строительства, а вместе с ним нового способа хранения зерна, каким является чердак дома, сначала амбар, а потом кладовая, постепенно начинают исчезать. Процесс этот развивается с северо-западного направления.

ТОМАШ СКАРЖИНСКИ

ГУМНА В ПОЛЬСКОМ НАРОДНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ В XIX И XX ВЕКАХ

(Этнографический анализ некоторых признаков)

Резюме

Цель настоящей статьи — представить в картографической форме некоторые проблемы, связанные с формой, функцией, конструкцией и диалектической номенклатурой постройки, служащей в крестьянском хозяйстве для хранения вымолотого хлеба, соломы и сена. Материальной базой для описываемой проблемы являются территориальные исследования, произведенные для составления Польского Этнографического Атласа в период 1954—1960 годов в 336 деревнях постоянной сетки исследований на основе опросных листов. В некоторых случаях картограммы были пополнены материалом из литературы, научных архивов и анкет.

На основании археологических раскопок (например, в городе Гнезно) можно констатировать, что вероятно уже в период раннего средневековья польское население

пользовалось какими то особыми постройками, служащими для хранения сельскохозяйственных продуктов. Однако, происхождение гумна на польских землях до сих пор еще не выяснено. В литературе господствует воззрение, что оно немецкого происхождения, ввиду его названия („stadel“), „stodola“ по польски.

Дифференциация по принципу локализации гумна в пределах крестьянского двора может пролить свет на происхождение этой постройки (карта № 1). На юге страны встречаются только глиняные токи для обмолота зерна, примыкающие к жилому дому или хозяйственной постройке или же отделяющие жилой дом от хозяйственной постройки. Они являются, вероятно, одной из первоначальных форм гумна. Можно полагать, что достроенные закромы возникли позже. В настоящее время на территории всей страны выступает гумно, стоящее особняком, с глиняным током для обмолота и закромами.

Карта № 2 иллюстрирует выступление на территории Польши и Чехословакии полигональных гумнов (в виде овинов), являющихся одной из первоначальных форм гумнов, стоящих особняком и которые, быть может, являются продолжением круглых шалашей в горизонтальном плане.

Гумно не везде исполняло одинаковую функцию. Как видно из карты № 3, на востоке страны эта постройка кроме функции обмолота зерна на глиняном току и хранения невымолотого зерна, соломы и сена, часто исполняет еще роль амбара.

На основании анализа карты № 4 можно констатировать, что на северо-западных территориях замечается в деревенском строительстве тенденция постройки входа со стороны узких стен. Об этом свидетельствует сводка территориального распространения гумнов и хат с входами в узких стенах.

В этнографической литературе существует гипотеза, что гумно возникло из жилого дома. Это воззрение подтверждает выступление на территории Польши наката из жердей над током и над закромами (центральные и северо-восточные районы — смотри карту № 5).

Карты № 6 и 7 содержат диалектические названия, связанные с гумном. Интересно пространственное распространение названия „zapole“, означающее „закром“, которое, повидимому, занимало когда то значительно большую территорию, а сейчас прервано территориальным проникновением более нового, наиболее теперь распространенного названия „sąsieki“. Такие названия закромов как „sąsiek“, „zapole“, „strona“ могут свидетельствовать о первобытности тока, к которому достроены были позже закромы (sąsieki).

Последняя группа карт (№ 8, 9, 10 и 11) иллюстрирует выступление на территории Польши разных конструкций стен и форм крыш в гумнах. Из этих карт следует, что гумна, имеющие скелетную конструкцию с обшивкой из досок выступают теперь на всей территории страны. Кроме того, на западе выступает конструкция каменная и глиняная на деревянном скелете, в центральной Польше глиняная и деревянная с перекладинами между угловыми столбами, плетеная и строенная из комбинации досок и каменных столбов. Всеобщая форма крыши для всей территории страны является двухскатная крыша, а четырехскатная крыша

имеет территориальное распространение, почти тождественное срубной конструкции стен (юго-восток). В общей сложности, в гумнах, также как и в жилых помещениях, существует тенденция уменьшения высоты крыши и увеличения высоты стен, о чем убедительно свидетельствует распространение нового явления, т. е. высоких гумен с низкой двухскатной крышей.

КАЗИМЕРЖ ПУДЛО

РОГАТЫЙ СКОТ В КАЧЕСТВЕ УПРЯЖНЫХ ЖИВОТНЫХ В КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВАХ В ПОЛЬШЕ В XIX ВЕКЕ И В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Резюме

Автор настоящего труда занимается вопросом тяговой силы в крестьянских хозяйствах в течение около 100 лет (1860—1954). Его рассуждения основаны, главным образом, на этнографическом материале, собранном путем территориальных исследований, произведенных над проблемой земледелия и скотоводства (1953—1954). Этнографический материал собран с 336 постоянных исследовательских пунктов сети Польского Этнографического Атласа и был получен на основании однородного опросного листа. Это позволило сравнить материал и разработать впервые эту проблему методом этнографической картографии.

Основной тяговой силой современных крестьянских хозяйств являются лошади, которые распространились в польской деревне сравнительно недавно, ибо в XIX веке и в половине XX века. Традиционной тяговой силой наших земель был рогатый скот, главным образом, волы. (Коров для этой цели брали в Польше исключительно в непредвиденных обстоятельствах, т. е. в период войн и стихийных бедствий. Исключение составляет Верхняя Силезия и часть Великой Польши, где применение коров для сельскохозяйственных работ было следствием крестьянского экономического расчета).

Процесс замены волов в сельскохозяйственных работах лошадьми протекал медленно, с неодинаковой силой на всей территории страны (карты 1,3) и полностью еще не закончен. Основная причина неодинакового протекания этого процесса лежит в экономической структуре польских земель, являющейся следствием экономической политики захватнических государств (освобождение крестьян в части, захваченной Пруссией было окончено в 1865 г., в части под владычеством Австрии в 1857 году, а в части русской в 1880 г.). Ликвидация феодального уклада в деревне значительно ускорила процесс исчезновения обычая применения рогатого скота для сельскохозяйственных работ. Возможность выгодной продажи растительных и животных продуктов в связи с развитием внутреннего рынка и капиталисти-

ческого хозяйства вызвала интенсификацию крестьянских хозяйств. Дешевые, в смысле стоимости содержания, но медленные волы, были вытеснены более производительными в работе лошадьми.

Лошади, однако, не сразу переняли все упомянутые хозяйственные функции волов. Сначала лошадей употребляли почти исключительно для сообщения за пределами деревни (карта 5). Для сообщения за пределами деревни применяли запряжку крупного рогатого скота для тяги повсеместно до второй половины XIX века, а также во время первой мировой войны, когда крестьянские лошади пополняли недостаток в армиях, передвигающихся по территории Польши (карта 2, пкт. 2, карта 4, пкт. 2).

В неблагоприятных экономических условиях (войны, стихийные бедствия) использовали для сельскохозяйственных работ коровы (карта 2). Чаше всего, однако, запрягали для сельскохозяйственных работ лошадь с коровой или лошадь с волом (карта 2, пкт. 1 и карта 4, пкт. 1). Необходимость запрягания для сельскохозяйственных работ пары животных вытекала из того, что традиционно применяемые до первой половины XX века пахотные орудия — т. е. сохи и рала, были очень тяжелы.

Охотнее всего крестьяне применяли для сельскохозяйственных работ традиционными пахотными орудиями крупный рогатый скот (серой масти) из степей Молдавии и Червонной Руси, о разведении которого сохранились народные традиции (карта 6), а также скот из низменности и гор, польской расы (рыжей масти).

Волы в качестве тяговых животных (разводили их также в качестве откормочных животных) дольше всего сохранились в помещичьих усадьбах, а в деревнях — в крупных и мелких хозяйствах (автор не принимает во внимание безземельных крестьян, для которых лошадь была часто основой существования). В крупных хозяйствах, также как и в помещичьих усадьбах были достаточно большие пастбища для прокормления волов, используемых для сельскохозяйственных работ, дойных коров высокого качества и лошадей для быстрого, гужевого транспорта. Для мелких крестьянских хозяйств, с минимальными излишками земледельческих плодов — содержать лошадь было попросту невозможно. Такие хозяйства зимой даже избавлялись от волов, не имея для них достаточно фуража.

Следует считать, что в период между двумя последними войнами было почти совершенно заброшено разведение крупного рогатого скота для нужд тяги. После II мировой войны использование, как пережиток, рогатого скота для земледельческих работ было констатировано единственно в горских местностях Южной Польши, где трудные географические условия исключали хозяйственное применение лошади (карта 1 и 3).

Механизация и интенсификация сельского хозяйства в течение последних лет в Польше способствуют окончательной ликвидации этих традиционных способов обработки земли. Механическая сила, будучи гораздо более эффективной, вытесняет тяговую силу животных.

ЭЛЕМЕНТЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВОРА, СВЯЗАННЫЕ СО СКОТОВОДСТВОМ В ПОЛЬШЕ. В КОНЦЕ XIX И В XX В. В.

Этнографический очерк

Главной целью настоящей статьи является попытка регионального раздела Польши, опираясь на некоторых данных, касающихся традиционных народных обычаев, связанных со скотоводством. Для этого автор пользовался картографической и статистической разработкой данных, собранных во время территориальных этнографических разведок на площади всей Польши, подытожив эти исследования и учитывая характеристику среды с точки зрения климата, запасов фуража и интенсивности животноводства.

Описаны были традиционные обычаи предоставления животным пастись самим под голым небом (карта 1) и держания животных под голым небом в специальных оградах (карта 2, В), обращая также внимание на интересную форму традиционной постройки крестьянского двора в виде замкнутого четырехугольника, внутри которого держали раньше скот (карта 2, пкт. 1, 2, 3). Затем автор занялся такими реликтами как обычай держания скота и свиней в жилом помещении избы (карта 3) и в сенях избы (карта 4), а также держания домашней птицы в избе (карта 5). Описанные обычаи представлены не только в форме карт, но и статистических табелей, с учетом корреляции, выступающей в области вышеописанных культурных фактов.

Довольно подробно была также освещена форма специальных помещений для животных под одним кровом с жилой избой (карта 6) и изображенные на рисунках при объяснении карты разновидности. Эти разновидности, как с точки зрения их формальных особенностей, так и с точки зрения границ их распространения являются, повидимому, дальнейшими звеньями происходящей эволюции. Достойны внимания также параллельные культурные взаимосвязи Южной и Северной Польши. Поскольку форма помещений для животных под одной кровлей с жилым домом выступает часто в народном немецком строительстве, автор представил на отдельной карте 7 формы, встречаемые в Польше и наиболее приближенные к немецким формам (см. планы). Границы распространения этих форм не указывают на какое-либо схождение с границами распространения форм чаще всего встречаемых на территории Польши.

Кроме того, почти во всей Польше были издавна известны особые постройки для животных, а в центральной зоне Польши они выступают почти без исключения. Эти факты являются еще одной предпосылкой для признания особенности польского народного строительства по сравнению с немецким народным строительством, вопреки некоторым утверждениям, высказываемым в немецкой науке.

Сопоставление территорий исключительного выступления важнейших диалектических названий, определяющих помещения для скота, лошадей, свиней и кур определило центральную зону, схожую с границей распространения так называемого центрального говора (карта 8).

Полученные результаты свидетельствуют в пользу теории о двухколейном развитии помещений для животных в польских крестьянских хозяйствах. В убогих хозяйствах самой древней формой было вероятно держание животных свободно, вне построек и оград, а в случае надобности — в жилом доме. В зажиточных хозяйствах держали животных вероятно прежде в специальных оградах, а особенно во дворах крестьянских усадеб, построенных в сомкнутый четырехугольник. Некоторыми особенностями отличается традиционная пастырская культура Карпат, где часто до сих пор сохранилась форма держания овец в оградах, и не образовались развитые видоизменения примитивной формы помещений для животных под одной крышей с жилым домом. На основании сходства ряда описанных признаков выделено в Польше несколько зон, представляющих в разной степени комплексы традиционных фактов народной культуры, связанных с животноводством (карта 9).

INDEKS RZECZOWY T. XLVII „LUDU”. *

A

Adoptowanie postrzyżonego, 55
 Alfabet Totha, 586
 Ambar, spichlerz, 296, 317, 323, 331, 350
 Andaraka, spódnica, 477
 Anekumena, 202
 Animizm, 18, 51, 576
 Antropologia, 7
 — Anachoretczyków, 11
 — cechy Podhalan, 156
 — Polesia, 152
 Apotropaion, 568
 Aproksymacja Wankego, 152, 162
 Archaiczny obszar, 225, 227
 Areały kulturowe Polski, 181
 Azaród, azerod, przepłoty, 267
 Atlas etnograficzny Rosji, 475
 — kultury ludowej w Polsce, 176, 193
 — Mały gwar, 287
 — Österreichische f. Volkskunde, 166
 — Öwer svensk Folkkultur, 166
 — der schweizerischen Volkskunde, 166
 — Środkowej Azji, 484, 524
 — Volkskunde voor Nederland, 166
 — Etnograficzny Polski p. P.A.E.
 — Der deutschen Volkskunde, 166, 189, 233, 235, 280, 281
 — Etnologiczny Jugosławii, 554, 556,
 — Etnograficzny Kaukazu, 524

B

Badania ctnograficzne franc. 482
 — — PAE, 214
 — — w Finlandii, 482
 — folklor. rosyjskie, 513
 — naukowe ZSRR, 472
 — norweskie, 483
 — nad specyfiką nar. świata, 503
 — po II wojnie św. 187
 Badania terenowe PAE, 285, 440
 Barwienie hubą brzoową, 532
 Belemnit, 196
 Betel do żucia, 31, 45
 Bez czarny, 193, 196
 Bóstwa lasu, 19
 — opiekuńcze, 20
 Brony beleckowe, 184
 — laskowe, 184, 199
 Budownictwo, 166
 — drobnoszlacheckie, 369
 — Wsch. Syberii, 530
 Bydło, 420, 422
 — nazwy, 416
 — rogate, 415—439
 — siwe, 417, 433
 — trzymanie pod gołym niebem, 440
 — zanik, 417, 423, 431, 433
 Bylica, 193, 290

C

Caput semitonsum, głowa pół ogona, 64

* Kursywą oznaczono wyrażenia gwarowe lub obce.

Centra uprawy roślin, 211, 212
 Cepy, 183
 — ciężkie, 187, 190
 — gązewkowe, 174
 — kapicowe, 174, 179, 187
 Ceramika kaszubska, 614
 — wielkopolska, 601
 Ceremonia *patakome*, 26
 Czaszki ojców, 17
 Czółno agomeskie, 28
 — kanjeskie, 27
 Chałupy przysłupowe, 189
 — wielkopolskie, 582
 Chlew, 183, 187
 Chłopstwo kołchozowe, 504, 509
 Chodzenie z gałęzią, 189, 190
 Choroby umysłowe, 573
Chowaniec, demon, 185

D

Dach czterookapowy, 298
 — krokwiowy, 183, 296
 — rozścielany, 174
 — slegowy, 297
 — stódół, 410, 411
 Dachy kształt, 296, 297
 Danina, *powołowe*, *poradlne*, 419
 Demony, *boginka*, *mamuna*, 184, 185
 — *domowik*, *kraśnię kobold*, 196
 — odmieniające dzieci, 184
 — *plonek*, 189
 — *sibiela*, *mamuna*, 187
 — sporzący, *domownik*, *janczir*, 180
 — *inkluz*, *chowaniec*, 178, 184
 Domy Cejlonu, 501
 — chłopców, 24
 — pod zakazem, 24
 — lądowe, 15
 Dożynki *żniwne*, *wieniec*, *ograbek*, 196
 Dualizm, kult. 18
 Dudy, *koza*, 187
Duha, 179, 183

Dyfuzja kulturowa, 181, 202, 544
 Dynamika zjawisk, 441
 Dynarski typ, 160
 Dziedziczenia system, 508
 — tytułu naczelnika, 17
 Dzidy, 17—29

E

Elementy łużycko-czeskie, 190
 Epos Melanezji, 496
 — niemiecki, 516
Erntefest, *Erntekirmes*, 189, 190
 Etniczne styki, 193
 Etnografia Armenii, 473
 — chińska, 469, 470, 520—23
 — francuska, 481, 571
 — jugosłowiańska, 544—565
 — narodów Komi, 513
 — radziecka, 529, 530
 — *Sowiejskaja*, 469—540
 — Tiurków, 524
 Etnograficzne badania Kaukazu, 517
 Etnografowie Ameryki, 496
 Etnologia, 577
 — w Jugosławii, 544—560
 — rozwój, 51
 Ekspedycja chorezmijska, 504
 — radziecka, 523
 Ekspansja uprawy zbóż, 212
 Etnogeneza ludów nadamurskich, 485
 — środkowej Azji, 485

F

Fartuch tylny, 30
 Feudalizm Afryki, 487
 Fetysyzm, 577
 Folklorystyka radziecka, 506, 512
 Fryzura, 26, 61
 Fundamenty, 300, 301

G

Geneza górali karpackich, 150
 — postrzyżyn, 59

Golenie nadczoła, 70
 Gospodarstwa chłopskie, 288, 415, 421
 Gotowanie pożywienia, 31
 Góra w stodole, 396
 Granica antropologiczna, 154
 Gramatyka kanjeska, 34
Grażda pasterska, 446, 468
 Grupy etniczne chińskie, 469, 470
 Grzebień kanjeski, 27
 Gwiazdy, *plejady*, *babki*, *sitko*, *kurka*, *kwoka*, 176, 193

H

Hodowla, 165, 430
 — bydła u Słowian, 418
 — drobiu, 451
 — zmiany, 441
 Hodowlane pomieszczenia, 455, 458, 466

I

Idee kolektywne, 58
 Inicjacje, 51
 Inkluz, 187
 Inwentarz dóbr biskupstwa, 585
 Instytut badań nad Gwineą, 579
 — Bałtycki, 607, 608
 — Etnografii ZSRR, 471
 — Français d'Afrique Noire, 578
 — Historii Kultury Materialnej, 165
 — Wschodniej Afryki, 494

J

Jama zbożowa, 313
 Jarzmo kulowe, podgarlicowe, 179, 430
 Jęczmień himalajski, 543

K

Kadzie z drzewa, 29
Kagan, *bieg*, *badur*, władca kirg, 543

Kapelusz z liści, 31
 Kapłani egipscy, 63
 — kanjescy, 19
Karre, taczki, 190
 Kartografia etnograficzna, 165—209
 Kartogramy etnograficzne, 166
Kiczka, *roga*, strój głowy, 479
 Kierunek historyczny w etnografii, 166
 Kijanki, 179
 Kij grzechotkowy, 197
 Kleć, 366
 Klepisko, *sąsieć*, *zapole*, 385
 Klon, 196
 Kłoda kanjeska, *bobón*, 19
 — dla przechowywania zboża, 179
 Koczownicy, 491
 — afrykańscy, 578
 — hodowcy, 520
 Kodeks Hammurabiego, 67
 Kołyska biegunowa, 189
 — koszałkowa, 189
 Komitet Slawistyczny PAN, 170
 Komora, 171, 187, 291, 456
 Komunikacja, 166, 425, 429, 433
 Konie w gospodarce chłopskiej, 415, 431
 Konstrukcja, bitka, 403
 — łątkowa, 295
 — ryglowa, 295
 — na sochy i ślepie, 408
 — szachulcowa, 404, 407
 — ścian stodoły, 401, 404, 407
 Kopa, *kupa*, *koziół*, *mundelik*, *lalka*, 262
 Kopice, 182, 232
 — krzyżowe, 173
 — pionowo-rzędowe, 258
 — poziome, 173
 — — krzyżowe, 232, 239, 243, 245, 247
 — rzędowe, 252

Kopice trój- czworramienne, 242, 245
 — zabezpieczanie, 269, 271
 — żniwne, 233
 Koppelwirtschaft, *kopla*, 444, 465
 Kopy-stertki, 241
 Koszary karpackie, 444, 462
 Kółki, koły, żerdzie, 239, 265, 267
 Krowy jako siła pociągowa, 424, 428
 Krzyca, *krzewica*, *ikrzyca*, *Secale cereale*, *hybernium multicaule*, 173, 182, 210, 230
 Krzyć się, wykruszanie ziarna, 219
 Krzyżak, kopica krzyżowa, 248, 251
 Księżyc stary, 200
 Kucza, 452
 Kuit łabędzia, 497—498
 — niedźwiedzia, 537
 — przodków, 18
 Kultura Buriatów, 527
 — Chakasów, 541
 — duchowa, 193, 184
 — Fu-Nan, 483
 — ludu rumuńskiego, 565—571
 — ludowa słoweńska, 560—562
 — śródziemnomorska, 49—149
 — ludowa wielkopolsko-kujawska, 192, 580
 — łużycka, 179
 — Mohenjo-Daro, 65
 — pierwotna, 505
 — puszczańska, 181
 — rolnicza, 582
 — tracka, 179
 — tradycyjna, 169
 Kur, 194
 Kurara Indian, 574
 Kształt wsi, 581
 Kwestionariusze etnograficzne, 165, 214

L

Latawiec, demon, 196, 200
 Legendy Pomorza, 607

Ludy Nadbałtyckie, 534
 — paleosyberyjskie, 507
 — tureckie, 542

M

Magep, naczelnik anachor, 16
 Magicyzm, 51, 52
 Majenie strzech, 184
 Malarstwo ludowe, 600
 Małżeństwa kanjeskie, 20
 — Tainilów, 502
 Mapy etnograficzne, 169, 578
 Materiały etnograficzne, 607
 — syberyjskie, 540
 — z łyka, 30
 Matriarchat, 541
Mazowizmy kulturowe, 196, 199
Mendel, półkopek, kopa, 233, 246, 257
 Metoda kartograficzna, 417
 — punktowa, 167
 Migracje podkarpackie, 150
 Mieszanka żyta, 182
 Mimus dorycki, 83
 Młocarnie kieratowe, 174
 — motorowe, 174
 Mowa Anachoretczyków, 14, 32, 33, 34
 Musée de l'Homme, 481
 Muzeum w Banjaluce, 547
 — Belgradzie, 547
 — Cetinje, 547
 — gdyńskie, 612
 — Lahore, 603
 — Lublania, 547
 — Mazowska Płockiego, 595
 — Narodowe w Poznaniu, 596
 — Narodów ZSRR, 472
 — Sarajewie, 547
 — Skopju, 547
 — Trocadero, 481
 — Warszawie, 610

— Splicie, 547
 — Zadarze, 547

N

Naczelnicy, 14—15, 16, 17
 Naczynia drewniane, 27
 Namioty Somalijszczyków, 492
 Narzędzia do orzechów, 29
 — włóczne, 175
 Nawiązania łużyckie, 189
 — czeskośląskie, 189
 — czeskośląskomorskie, 191
 — południowo-słowiańskie, 185
 — słowacko-morawskie, 184
 Nazwy księżyc, 189
 — niedźwiedzia, 537
 Nisza do oświetlania, 189
 Nosa dziurawienie, 12, 22
 Nosidla, 176
 — drążkowe, *nosilki*, *koromesta*, *szelki*, *kluki*, *kulki*, 176, 183
 — nieckowate, *pedy*, *szchanie*, *szuńdy*, 176
 Nowy Rok, 200

O

Obora, 183, 194—199
 — *koszara*, *kopla*, 187
 Obsydian, 43
 Obrzęd oczyszczenia, 71
 — postrzyżyn, 49
 Obrzędowe gołenie, 63
 Obrzędy doroczne, 569
 — ludowe, 565
 — pochówkowe, 7, 17
 — weselne, 508—511
 — żniwne, dożynki, *okrężne*, 184, 189, 199
 Ochweśnicy olkuscy, 600
 Ofiara włosów, 53, 65, 75
 — zastępcza, 50, 56
Okólnik, *okół*, *obora*, *gumno*, *koszara*, *zagroda*, 445

Okrężne, p. obrzędy żniwne
 Opłakiwanie zmarłego, 69
 Ornament indyjski, 483
 Osadnictwo Kurpiów, 200
 — małopolskie, 181
 — mazowieckie, 180, 181
 — — na Bukowinie, 565
 — niemieckie, 189
 — polskie, 180
 — wielkopolskie, 195, 581
 — wołoskie, 155, 567
 Osadnicy, 446
Osetedec, 86
 Oskoła, pleśniawki, 187
 Ostrwie, 234, 239, 265

P

P.A.E., 165—209, 211, 214, 235, 285, 440
 Paleoetnografia, 608
 Pasterze wołoscy, 163
 Pasterstwo wysokogórskie, 439
Pazdury, 179
 Peruka egipska, 66
 Piece piekarskie, 175
 Piekarnia, 447
 Piwnice wnękowe, 183
 — ziemiankowe, *sklepy*, 173
 Plastyka ludowa, 583
 Plemiona wschodniosłowiańskie, 478
Pleśniawki, *szoła*, *zaba*, 186, 189
Płonek, 190, 193
 Płóciennictwo, 582
 Pług koleśny, 182, 187
 Podwaliny, 302
 Pogrzeb kanjeski, 20, 21
 Pokrzywa za strzechą, 180
 Politeizm, 577
Południce, demony, 183, 190
 Pomieszczenia dla zwierząt, 440, 453.
 — nazwy, 460, 462
Poniewa, ubiór wielkoruski, 477, 478

Postoły, *hilcze*, *Holzschuh*, 567
 Postrzyżyny, 49—149
 — białna, 85, 106, 143
 — efebowe, 77
 — Egipcjan, Sumerskie, 59
 — hańbiące, 82
 — jako kara, 67, 75, 98—103
 — kapiańskie, 71
 — mężatek, 93
 — nazarejczyka, 70, 71
 — niemowlęcia, 79
 — niewolników, 64, 67, 76, 94
 — przedślubne, 91
 — rozbitków, 89
 — Słowian, 54, 117
 — stanowe, 62
 — ślubne, 110
 — ślubowane, 90
 — śmierci, 103
 — trędowatego, 72
 — westalek, 107
 — wotywny, 77
 — wyzwoleńców, 98
 — zwierząt, 135
 — żałobne, 50, 57, 63, 67, 69, 75, 82, 87
 Poświęcenie dziecka, 49
 Powąta nad klepiskiem, 395
 Powiązania białorusko-podlasko-
 -śląskie, 191
 — łżyckie, 193
 — małopolsko-pomorskie, 204
 — — ukraińskie, 185
 — wielkoruskie, 193
 Pożywienie roślinne, 211
 Prawo własności, 518, 573
 Problematyka genetyczna, 65, 150, 166
 Proskura, 570
 Przechowywanie ziarna w stodołach, 393
 Przepaska, ubiór, 30
 Przeploty, kozolce, 234, 239, 265, 267

Przesuszanie zboża, 231—283
 Prześlice, 183
 — iglicowe, 179, 187, 203
 — krężolkowe, łopatkowe, 179
 Pszenica, jeżatka, *Triticum compactum*, 210, 212
 — mieszanica z żytem, 173
 — płoskurnica, *Triticum dicocum*, 210, 212
 — samopsza, *Triticum monococum*, 210, 212
 — szpalc, *Triticum spelta*, 210, 212
 — zwykła, *Triticum vulgare*, 212
 Pszono, proso, 213
 Pyro, pszenica, perz, 213
 Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 165, 615—642

R

Radio ramowate, 174, 182, 195, 199
 — rylcowe, 191
 Rasy ludzkie, 484
 Region etnograficzny, 202—204
 — karpaccy, 185
 — mazowiecki, 197—200
 — sieradzki, 193
 — wielkopolski, 191—193
 Regionalizacja Polski, 165—209, 463, 464
 Religia Agomesczyków, 18
 — Ewenków, 517
 — Kirkizów, 543, 544
 — Semitów, 52
 Relikt kulturowy, 54
 — gospodarki hodowlanej, 443, 448
 — trzymania drobiu, 452
 Ręcznik w obrzędach pogrzebowych, 567
Rites de passage, obrzędy przejściowe, 51, 57
 Rodziny formy, 497
 Rolnictwo, 165
 Rolnicy afrykańscy, 511

Rośliny w etnografii 575
 Rubież etnograficzna, 168, 178, 180, 195, 202
 — karpaccy, 203
 — leśna, 190
 — póln.-wschodnia, 165—209
 — śląsko-łżycka, 189
 Rybołówstwo, 27
 Rzeźba ludowa, 598

S

Sarajan, ubiór wielkoruski, 476
 Sasięk, nazwy, 397, 412
 Separatyzm religijny Afryki, 497
Sibiela, demon, *odmieniec*, *mamuna*, 200
 Sieci, *sanie*, 197
 Sień, 450
 Sierp gładki, ząbkowany, 174, 537
Sitko, Plejady, 180
 Słownik anachorecki, 13—14, 35, 36,
 Skartowania etnograficzne, 166, 167
 Skorupiaki w legendach staroż. 575
Smyki, *szlepy*, włóki, 175, 187, 193, 196
 Snopki, *kuczki*, *babki*, *toczki*, 240, 263
 — kneblowe, 238
 Société d'Ethnographie de Paris, 571
 Socha, 179, 199, 537
 — na Cejlonie, 501
 Sok klonu, 189
 Sowietskaja Etnografija, 469
 Spichrze, 177, 183, 283—383
 — bezpodcieniowe, 327, 334
 — fundament, 302
 — geneza, 313, 314, 320
 — komory, 349, 354, 360
 — konstrukcja ścian, 292
 — koszowy, 312, 320
 — lubelsko-mazowiecki, 315, 319
 — murowany, 311, 343

— napalowe, 302, 325
 — nazwy, 344
 — piętrowe, 305, 340
 — podcieniowy, 318, 327, 330
 — póln.-europejski, 324, 329
 — póln.-słowiański, 323, 337
 — rozplanowanie, 303
 — szerokofrontowe, 331, 333, 335
 — śląsko-spiskie, 306, 308, 367
 — wąskofrontowy, 179, 324
 — wieżowate, 188
 — w Polsce, 307
 — w stodołach, 363
 — typy, 290, 326, 332, 342
 — zanik, 288, 368, 370
 — zrębowy, 314, 340, 334
 Społeczeństwa pierwotne, 519
Stadel, stodoła, 385
 Stajnia, 183
 Starożytności niemieckie, 53
 Stępa kielichowa, 179
 — nożna, 184, 203
 — ręczna, 195
 Stępor dwuramienny, 179
 Stodoły, 183, 189, 383—415
 — bite z gliny, 172
 — funkcja, 392, 409
 — geneza, 384
 — grodzona, 403
 — murowana, 405
 — pod wspólnym dachem, 387, 388
 — poligonalne, 182, 390, 391, 410
 — ryglowo-szachulcowe, 174
 — sumikowo-łatkowa, 402
 — sześcioboczna, 390
 — wąskofrontowa, 394, 395, 412
 — wolnostojące, 387, 389
 — zasięg, 392
 — zrębowe, 173, 402
 Stosunki własności, 519
 Strefa małopolsko-mazowiecka, 187
 — — śląska, 185
 — północna, 193

Strefa rubieżna, 186
 — śląska, 187—191
 Strefizacja Polski, 170—174, 225—228
 Strój Andhara, 471
 — bukowiński, 567
 — Komi, 533
 — Syngalezów, 501
 — Weddów, 503
 — wielkopolski, 583
 Struktura etniczna Afryki, 579
 Strychy, 353
 Suszenie „na garściach”, 232, 237, 241
Sypańce, sypka, 187, 189
 System Labana-Knusta, 586
 — liczenia anachorecki, 12
 Szlak połonin, 155
 Szle, 184, 199
 Sznury z włókien drzewa, 30
 Sztuka ludowa Komi, 532
 — — Wielkopolski, 596, 603
 Ściana koszowa, 391
 — sąsieków, nazwy, 399
 — spichrzy, 294
 — z cegły, kamienia, 296
 Śparogi, 179
 Środowisko geograficzne, 441
 Światopogląd ludów pierwotnych, 577
 Świątynia kanjeska, 19
 Świetlica, 447
 Święto dojrzałości, 51
 św. Jerzy, 570
 Świronki kurpiowskie, 327

T

Tabu, zakaz, 57
Tabuń, włosy mężczyzny, 20, 23
 Taczki, 190
 Tańce i zabawy ludowe, 586—594
 Tonsura klerycka, mnisza, 72, 96
 Towarzystwo Etnologiczne Jugosł. 555

Towarzystwo Naukowe Płockie, 594
 — Ludoznawcze, Pol. Tow. Lud. 615—643
 — im. Szewczenki, 474
 Tradycji przemiany, 223
 — wysiewania żyta, 221
 Trakcja bydłęca, 427
 Transport, 166
 Trzebież żarowa w Karpatach, 218
 Typ papuaski, 10

U

Ubiór głowy, 478, 479, 480
 — kobiet kanjeskich, 30
 — rosyjski, 475—476
 — somalijski, 492
 Ucho, 47
 — wydłużanie, 21
 Układ gruntów, 581
 Uprawa bru, 211, 212
 — mieszkanki żyta i pszenicy, 214
 — prosa, 182
 — starych gatunków żyta, 220, 224, 225
 — tara, 25
 — zbóż tradycyjnych, 210—231
 Ustrój rodziny Andhra, 470, 471

W

Wesele rosyjskie, 508—511
 Wędrówki pasterskie, 151, 163
 — podkarpackie, 150
 Wiara w południce (demony), 189
 Wiedza ludu, 577
 Wielożeństwo, 20
 Wierzenia o człowieku zabitym, 176
 — o krakaniu kruk, 189
 — o latającym smoku, 190
 — o piorunie, 184
 — o rusałce, 179
 — religijne Żydów, 572
 Wieś polska na Bukowinie, 567
 Wieśniak rumuński, 566

Włosy długie, 53
 — kanjeszyków, 22, 23
 — poświęcane, 23
 — rola, 52
 — ucięcie, 71
 — zapuszczanie, 60
 — siedlisko siły, 56
 Włóki kątowe, 175, 182, 187
 Wodą kropienie, 71
 Wróżby, 569
 Wspólnota norweska, 483
 — słowiańska, 184, 187
 Wychowanie chłopców, 24—25
 Wykopalska somalijskie, 489
 Wyprawa nad Morze Ochockie, 472
 Wystawa sztuki, 596—603
 Wyszka, rusztunek, dragi, 395, 396

Z

Zagroda, 385, 439—469
 — wielkopolska, 582
 Zakazy agomeskie, 24
 Zakład Architektury Politechniki Warszawskiej, 286
 — Etnografii wrocławskiej, 165, 169
Załoga, udzielanie, 419
 Zarost krajowców wysp Anachorites, 11
 Zapożyczenia fińskie, 535
 — rumuńskie, 566
 Zaprzęg mieszany, 428
 — obrzędowy, 425, 426
 Zasięg spichrzy, 393
 — zespołu małopolskiego, 182—187,
 — — kulturowego, 194

Zasieki, *zapola, stronie*, 179
 Zboża mieszanie, 215, 217, 316
 — uprawa, 210—230
 — na garściach, 182
 Zespół kaszubski, 196
 — kociewsko-malborski, 196
 — lemkowski, 184
 — mazowiecki, 197—200
 — śląski, 188
 Zębów barwienie, 11, p. betel
 Ziarna przechowywanie, 171, 179, 183, 196
 Ziemianka Niwków, 525
 Zjazd Sławistów, 493
 Zróżnicowanie kulturowe Polski, 200—204
 Zrównania małopolsko-pomorskie, 178
 Związki małopolsko-słowackie, 187
 Zwierząt trzymanie samopas, 173, 191, 193
 Zwyczaje kanjeskie, 26
 — narodzinowe, 568
 — pogrzebowe, 47, 568, 572
 — wigilijne, 180, 185
 Żarna, 543
 Żucie betlu, 11
 Życie rodzinne Żydów, 572
 Żyto jare, *Secale cereale*, 210, 212, 222
 — lasowe, p. krzyca
 — *reż, Roggen, rżany, rżysko*, 213, 214
 — stare, proste, 221
Żytnica, sąsieki, 223, 337, 358, 365

INDEKS ETNOGEOGRAFICZNY.

Części świata: Afryka, Azja, Australia, Europa. Nazwy szczepów, plemion ludów i narodów.

Afryka

Arabowie, 72, 73
 Egipcjanie, 59

Ghana, 580
 Gwinea, 578, 579
 Hetyci, 68

Kongo, 495, 511
Mauretania, 580
Nigeria, 580
Rodezja, 486
Somalijszczy, 488—492
Uganda, 495

Azja

Andhra, Indje, 470
Assyryjczycy, 66
Babilonia, 66
Cejlon, 499
Chakasowie pld. Syberia, 514, 540
Czucke, 540
Ewenkowie, 472, 517
Izraelici, 68
Jakuci, 540
Jukagirzy, 540
Karelia, 506
Ketowie, 537
Kirgizi, 540—544
Kurdowie, 528
Niwkowie, 525
Pakistan, 603
Przyamurski kraj, 515
Semici, 66
Sumerowie, 66
Syberia, 530
Syngalezi, 499
Tamilowie, 499
Trakowie, 86
Tunguzi, 540
Tuwińcy, 484
Uzbeki, 524
Weddowie, 502

Oceania i Australia

Agomesczycy, 8
Anachorites, wyspy, 7—49
Archipelag Karolin, 7
Australijszczy, 519
Kanjesczycy, 8
Melanezja, 9

Mikronezja, 7, 9
Pelau, wyspa, 7
Polinezyjczycy, 9
Ponape, wyspa, 42
Samoaneczycy, 12
Tongańczycy, 12
Nowa Zelandia, 495
Wyspy Wielkanocne 483

Europa

Polska 165
Białostockie, 449
Bory Tucholskie, 196
Galicja, 224
Górale, 160
Górale karpaccy, 156
Górale śląscy, 187
Krajna, 191, 196
Kujawy, 191
Kurpiowszczyzna, 300, 328, 347
Lachy śląskie, 187
Lubelszczyzna, 352
Łęczyckie, 191
Łemkowszczyzna, 347
Malborskie, 195
Małopolska, 449
Mazowsze, 197—200
Opole, 187
Pałuki, 191
Podgórzanie, 160
Podhale, 149—165
Podkarpacie, 449
Podlasie, 449
Prusy Wsch., 194
Sieradzkie, 191
Śląsk, 187, 347
Śląsk Dolny, 187
Śląsk Górny, 187, 449
Śląsk Opolski, 309, 457
Tarnów, 223
Wałasi, 156, 187
Warmia, 195
Wielkopolska, 580—584

Ziemia Chełmińska, 196, 607
— Kłodzka, 187
— Malborska, 606
Ziemie Zachodnie, 451
Słowianie pld. 175, 180, 210, 544,
560, 562

Słowenci, 560—562
Słowianie Zachodni, 175, 536
— Wschodni, 536
Bałtowie, 536
Hellenowie, 83
Rumuni, 564—571

INDEKS NAZWISK AUTORÓW

A

Aleksandrow W. A., 530
Aleksienko E. A., 537
Anisimow A. F., 517
Arnold S., 200
Astachow A., 512

B

Bachman A., 168, 178
Bastian A., 53, 116
Baranowski B., 416
Baudet J. L., 571
Bielicer W. N., 504, 513
Błaszczak S., 582, 583, 598, 603
Bohdanowicz J., 207, 283—383
Bolojan B. A., 473
Brasseur G., 578
Brückner A., 213, 229, 400
Bunak W. W., 484
Burgstaller E., 166
Burszta J., 383, 580
Bystroń J. T., 169, 200, 206
Bystrow A. P., 505

C

Campbell A., 166
Chmielowski S., 582
Cholewa M., 187
Chrystow G. F., 519
Clark J. D., 489
Czeboksarow N. N., 520, 534
Czekanowski J., 149—165, 168, 178,
189, 200, 205

D

Debiec G. F., 484
Dehimat T., 635
Dobrowolski K., 168, 187, 206
Dokładal M., 155
Drljača D., 544—560, 562, 565
Drobnjakowicz B., 554, 562
Dydowicz J., 582

E

Eitrem S., 57
Engels F., 518
Erdeljanowicz J., 562
Erixon S., 166

F

Falkowski J., 168
Fischer A., 168, 206, 231, 279, 425,
563
Franko I. J., 473—475
Frankowska M., 165, 205
Frankowski E., 168, 611
Frazer J. G., 51

G

Gajek J., 165—210, 214, 233, 279, 383
Gajkova O., 643
Gansiniec R., 49—149, 571
Gavazzi M., 563
Glapa A., 583, 586, 596
Geiger P., 166
Gennep van H., 57
Goldziher I., 53

Gomes D., 579
 Gomolec L., 581
 Gostomski A., 235, 279
 Gotkiewicz M., 565
 Grocholski J., 231—283
 Gusiew W. E., 493
 Gusiewa N. R., 483
 Gumiliew L., 508
 Gurwicz I. S., 504

H

Helbok H., 166
 Hensel W., 229, 384
 Heyerdahl T., 493
 Hryncewicz-Talko J., 149, 157, 160,
 164

I

Inglot S., 280

J

Jakowlewa E. W., 515
 Jasicki B., 161
 Jasiewicz Z., 582
 Jeleniewski E., 635—648

K

Karadzić V., 544
 Karamyszewa B. Ch., 524
 Karapetian E. T., 473
 Kariowicz J., 230, 398
 Kielisiński K., 600
 Kisjelew S. W., 540
 Kłiasztornyj S. G., 485
 Klimaszewska J., 168, 207
 Kluk K., 213, 218, 229, 256, 279
 Koczniew W. I., 499
 Kojdecka A., 540
 Kostrowicki J., 280
 Kostrzewski J., 384
 Koswien O., 504, 505, 518
 Kowalski A., 586
 Krajewska J., 609—614

Krauss E. S., 54
 Kubary J., 7—49
 Kuszniar P. I., 504
 Kwaśniewski K., 439—469, 578

L

Lange R., 587
 Lebediew J. D., 483
 Lebediewa N. I., 475
 Lenin W. I., 528
 Leski-Natanson J., 200
 Letniew A. B., 486
 Lewicka-Kowalska A., 218
 Lewin M. G., 504
 Liandis K., 210—231
 Lin-Jao-Hua, 469
 Lindquist N., 166

Ł

Ładogórski T., 584
 Ławrow L. I., 517
 Łęga W., 389, 605—609
 Łuczak Cz., 582

M

Maciejowski A. W., 54
 Mahala H., 208
 Mikłucho-Makłaj N., 7, 9, 15, 43
 Malicki L., 608
 Martynow W. A., 511
 Masłowa G. S., 475
 Matuszewska B., 207
 Maurizio A., 211, 229
 Meertens P. J., 166
 Meyer M., 166
 Meinicke C. E., 7, 43
 Moszyński K., 165, 178, 193, 202, 210,
 284, 383, 430
 Mydlarski J., 150, 164

N

Nasz A., 189, 202, 207
 Nikitin B., 528

Nitsch K., 200
 Nowak V., 279, 554, 560

P

Palm H., 285
 Peesch B., 166
 Pierszic A. I., 520
 Podlewski O., 582
 Podolak J., 279
 Pol W., 187
 Poniatowski S., 232, 279, 383, 385
 Popiel L., 168, 178
 Potapow L. P., 497, 514
 Potiechin L. I., 469
 Potkański K., 54, 117, 151, 164
 Pudło K., 415—439, 595
 Puszkariowa L. A., 508
 Przeworska-Rosen J., 613, 615

R

Rajt M. W., 488
 Rao W. L., 470
 Reinfuss R., 168, 187, 206
 Rhamm K., 284
 Richards A. I., 487, 495
 Róźdiestwienskaja S. B., 534
 Rusiajkin S. P., 484

S

Sahlgren J., 166
 Savonnet G., 578
 Schier B., 208, 285
 Schrader O., 54
 Skarżyński T., 383—415, 562, 565
 Skierkowski W., 594
 Smith W. R., 52
 Smoliak A. W., 485
 Sobisiak W., 582, 584
 Solchejm S., 483
 Sommer L., 56
 Stanner W., 494
 Staszczak Z., 206
 Stieber Z., 398
 Strauch H., 7, 43

Suboczowa M., 635
 Sulimirski T., 179
 Szipunow G. W., 532
 Szmielewa M. N., 508

T

Tacina J., 594
 Taksami Cz. M., 525
 Tałanowa J., 494
 Tarde G., 170
 Tolstow S. P., 523
 Topolski J., 232, 279, 582
 Tugotukow W. A., 472
 Tugutow I. E., 527
 Turnau I., 584
 Tylor E., 51, 115

U

Udziela S., 187

W

Waitz T., 7, 43
 Wanke A., 152, 162
 Wardumian D. S., 473
 Wasiliewicz G. M., 516
 Weiss R., 166
 Wieseler F., 49
 Wilken G. A., 52
 Winter E. H., 495
 Własowa Z. I., 540
 Wojciechowska A., 582
 Wolski K., 579, 586, 603
 Wróblewski T., 279, 544, 571, 582
 Wundt W., 57, 117

V

Valois H., 481
 Vawilow N. J., 211
 Vierkandt A., 52

Z

Zaborski B., 168
 Żejmo-Żejmis S., 164
 Żdanko T. A., 524, 528

SPIS RYCIN

	Str.
1. Ryc. (1). Kopice poziomo-krzyżowe nakryte pojedynczymi snopami.	232
2. Ryc. (2). Kopice pionowo-dookolne.	234
3. Ryc. (3). Kopice pionowo-dookolne nakryte pojedynczymi snopami.	262
4. Ryc. (4). Kopice pionowo-dookolne nakryte trzema snopami.	275
5. Ryc. (3). Fragment ułożenia podwalin na narożnych kamieniach w spichrzu ze wsi Grabczak, pow. Garwolin, woj. warszawskie.	302
6. Ryc. (1). Ściana szczytowa spichrza, polepionego gliną z Nowej Cerkwi.	294
7. Ryc. (2). Ściana szczytowa starego zrębowego, polepionego gliną, spichrza ze wsi Dąbrówki Lubniańskiej.	295
8. Ryc. (4). Spichrz o charakterystycznym dla Śląska sklepieniu zrębu.	309
9. Ryc. (5). Zrębowy podpiwniczony spichrz, typu „śląsko-spiskiego” ze wsi Okoły Murów.	310
10. Ryc. (6). Murowany podpiwniczony spichrz typu „śląsko-spiskiego” ze wsi Ligoty Pruszkowskiej.	311
11. Ryc. (7). Košča — spod miejscowości Grosuplje w Słowenii	316
12. Ryc. (8). Košča — spod miejscowości Stični w Słowenii	316
13. Ryc. (9). Spichrz typu <i>ambara</i> ze skansenu w Bukareszcie Rumunia.	317
14. Ryc. (10). Pocieniowy zrębowy spichrz typu „lubelsko-mazowieckiego” ze wsi Załucze.	318
15. Ryc. (11). Spichrz typu lubelsko-mazowieckiego” ze wsi Gułów.	319
16. Ryc. (12). Kurpiowski napalowy spichrz ze wsi Wolkowe.	225
17. Ryc. (13). Podpiwniczony spichlerzyk zrębowy, oszalowany zewnątrz deskami, wieś Łostówka.	328
18. Ryc. (14). Podcieniowy spichrz zrębowy ze wsi Dylewo.	330
19. Ryc. (15). Podcieniowy spichlerz z gankiem ze wsi Łukowica.	331
20. Ryc. (16). Dwuwewnętrzny spichrz zrębowy ze wsi Zalesie.	334
21. Ryc. (17). Szerokofrontowy podcieniowy spichrz z miejscowości Bubele.	335
22. Ryc. (18). Spichrz szerokofrontowy ze wsi Chodorówka.	336
23. Ryc. (19). Ściana szczytowa wraz z podcieniem w spichrzu ze wsi Winiary.	339

	Str.
24. Ryc. (20). Spichrz piętrowy nad szopą ze wsi Ligota Górna.	340
25. Ryc. (21). Spichrz zrębowy usytuowany nad szopą.	340
26. Ryc. (22). Spichrz piętrowy (nad szopą) ze wsi Podobin.	341
27. Ryc. (23). Spichlerzyk murowany wybudowany w r. 1957.	343
28. Ryc. (24). Budynek spełniający obecnie funkcję obory oraz pomieszczenie na siano.	353
29. Ryc. (25). Spichrz przybudowany do budynku gospodarczego.	362
30. Ryc. (26). Spichrz typu „śląsko-spiskiego” o charakterystycznie sklepionym zrębie.	367
31. Ryc. (2). Fragment chałupy z przybudowanym samym „kiepi-skiem”.	388
32. Ryc. (4). Stodoła pod wspólnym dachem z budynkiem mieszkalnym.	388
33. Ryc. (6). Fragment stodoły pod wspólnym dachem z budynkami gospodarczymi.	389
34. Ryc. (9). Stodoła sześcioboczna.	390
35. Ryc. (13). Stodoła wąskofrontowa.	395
36. Ryc. (14). Fragment stodoły zrębowej.	402
37. Ryc. (15). Stodoła sumikowo-łątkowa.	402
38. Ryc. (16). Stodoła grodzona.	403
39. Ryc. (17). Stodoła murowana.	405
40. Ryc. (18). Stodoła gliniana.	405
41. Ryc. (19). Stodoła z desek i murowanych filarów.	406
42. Ryc. (20). Stodoła ryglowa szalowana.	408
43. Ryc. (21). Stodoła szachulcowa.	408
44. Ryc. (22). Stodoła z muru pruskiego.	409
45. Ryc. (23). Stodoła o dachu dwuspadowym niskim.	411
46. Ryc. (24). Stodoła o dachu czterospadowym.	411
47. Ryc. Typ wieśniaka rumuńskiego z okolic Solki na Bukowinie.	566
48. Ryc. Z polskiej wsi Pleszy.	567
49. Ryc. Fragment wystawy w Poznaniu.	597
50. Ryc. Ceramika wielkopolska.	601
51. Ks. dr Władysław Łęga (portret W. Hofmana).	605
52. Fot. Dr Janina Krajewska.	609

WYKAZ TABLIC

1. Tablica (I). Kopice poziome.	241
2. Tablica (II). Odmiany kopic poziomych.	243
3. Tablica (III). Kopice pionowe.	251
4. Tablica (IV). Odmiany kopic pionowo-rzędowych.	254
5. Tablica (V). Drewniane urządzenia do przesuszania zboża.	265
6. Tablica (VI). Formy zabezpieczania kopic żniwnych.	269

	Str.
7. Tablica (I). Formy piętrowych spichlerzy śląsko-spiskich.	308
8. Tablica (II). Stopniowy zanik sklepionej konstrukcji pułapu w spichrzach śląsko-spiskich.	308
9. Tablica (III). Hipotetyczne formy rozwojowe spichrzy śląsko-spiskich.	313
10. Tablica (IV). Najstarsze formy naziemnych spichrzy.	320
11. Tablica (V). Spichrze pñ. wschodnie europejskie wąsko-frontowe-podcieniowe.	329
12. Tablica (VI). Spichrze pñ.-wschodnio-europejskie szeroko-frontowe.	333
13. Tablica (VII). Usytuowanie w obrębie chałupy komory pełniącej funkcję spichrza.	354
14. Tablica (VIII). „Spichrze-komory” przybudowane lub wbudowane do budynków gospodarczych.	360

SPIS MAP

1. Mapa (1). Nasilenie wpływów zachodnich.	172
2. Mapa (2). Skrzyżowanie strefy wpływów zachodnich z rubieżą północno-wschodnią.	177
3. Mapa (3). Główne strefy rubieżne i terytoria zespołów kulturowych.	186
4. Mapa (4). Śląski zespół kulturowy.	188
5. Mapa (5). Obszar zasięgów zespołu kulturowego wielkopolsko-kujawskiego.	192
6. Mapa (6). Przestrzenny zasięg sieradzkiego zespołu kulturowego.	194
7. Mapa (7). Przestrzenny zasięg mazowieckiego zespołu kulturowego.	198
8. Mapa (8). Zasięgi zespołów: małopolskich i pomorskich.	201
9. Mapa (1). Wysiewanie i tradycje wysiewania mieszaniny pszenicy i żyta.	216
10. Mapa (2). Tradycje uprawy krzycy.	217
11. Mapa (3). Obszar na którym słowo <i>krzyć się</i> oznacza wykruszanie się ziarna z kłosa lub rozkrzewianie zbóż.	219
12. Mapa (4). Tradycje uprawy starych gatunków żyta.	220
13. Mapa (5). Zmiany w tradycji uprawy żyta jarego.	222
14. Mapa (6). Przemiany w tradycjach uprawy zbóż ozimych i jarych.	223
15. Mapa (7). Obszar zwartego występowania niektórych starych upraw i nazw z nimi związanych.	224
16. Mapa (8). Zasięgi niektórych zjawisk przejściowych związanych ze starymi uprawami.	226
17. Mapa (9). Najdalsze północno-zachodnie zasięgi starych upraw i związanych z nimi nazw.	227

	Str.
18. Mapa (2). Zasięgi form przesuszania zżętych zbóż w/g najdawniejszych zachowanych tradycji.	239
19. Mapa (1). Zwarte zasięgi przesuszania i przygotowania zżętych zbóż do zwózki „na garściach”, w pojedynczych sнопach i w kopicach poziomych w/g stanu po II wojnie światowej.	237
20. Mapa (3). Zanikanie kopic poziomych i ich niektóre odmiany.	245
21. Mapa (4). Objętość i nazwy kopic poziomo-krzyżowych.	247
22. Mapa (5). Zasięgi form przesuszania zżętych zbóż w kopicach pionowych po II wojnie światowej.	253
23. Mapa (6). Rozpowszechnianie się kopic pionowo-dookolnych.	256
24. Mapa (7). Rozpowszechnianie się kopic pionowo-rzędowych i ich niektóre odmiany.	253
25. Mapa (8). Objętość i nazwy kopic pionowo-dookolnych.	260
26. Mapa (9). Zasięgi przesuszania zżętych zbóż przy pomocy różnych urządzeń drewnianych po II wojnie światowej.	267
27. Mapa (10). Zabezpieczenie kopic przed deszczem.	271
28. Mapa (11). Zanikanie zwyczaju zabezpieczania kopic przed deszczem.	274
29. Mapa (4). Różne formy kształtu dachu w spichrzach.	298
30. Mapa (5). Różne formy kształtu dachu w spichrzach.	299
31. Mapa (6). Niektóre formy konstrukcji fundamentu w spichrzach.	301
32. Mapa (7). Rozplanowanie wnętrza w spichrzach.	304
33. Mapa (1). Występowanie oraz proces zaniku spichrzy, osobnych budynków służących w zasadzie do przechowywania wymłóconego ziarna w gospodarstwach chłopskich na terenie Polski w okresie 1860—1960.	289
34. Mapa (2). Komora i spichrz jako miejsce sypialne.	291
35. Mapa (3). Konstrukcje ścian w spichrzach.	293
36. Mapa (8). Typy spichrzy w Polsce.	307
37. Mapa (9). Typy spichrzy w Polsce.	226
38. Mapa (10). Typy spichrzy w Polsce.	332
39. Mapa (11). Typy spichrzy w Polsce.	342
40. Mapa (12). Nazwy spichrza, osobnego budynku służącego do przechowywania ziarna.	344
41. Mapa (13). Przechowywanie ziarna w komorze w obrębie chałupy.	350
42. Mapa (14). Przechowywanie wymłóconego zboża.	356
43. Mapa (15). Przechowywanie wymłóconego zboża.	359
44. Mapa (16). Przechowywanie wymłóconego zboża.	363
45. Mapa (1). Stodoły znajdujące się pod wspólnym dachem z innymi budynkami.	387
46. Mapa (2). Występowanie stodoł poligonalnych.	391
47. Mapa (3). Przechowywanie ziarna w obrębie stodoły.	393

	Str.
48. Mapa (4). Występowanie stodoł wąskofrontowych.	394
49. Mapa (5). Występowanie „góry” w stodole.	396
50. Mapa (6). Nazwy sąsieków.	397
51. Mapa (7). Nazwy ścianek oddzielających sąsieka od klepiska.	399
52. Mapa (8). Konstrukcja ścian stodoły.	401
53. Mapa (9). Konstrukcja ścian stodoły.	404
54. Mapa (10). Konstrukcja ścian stodoły.	407
55. Mapa (11). Dachy stodoł.	410
56. Mapa (1). Proces zaniku używania wołów jako zwierząt pociągowych w gospodarstwach chłopskich w Polsce.	423
57. Mapa (2). Proces zaniku używania krów jako zwierząt pociągowych w gospodarstwach chłopskich w Polsce.	424
58. Mapa (3). Tradycje o używaniu wołów jako zwierząt pociągowych w niektórych czynnościach gospodarskich i obrzędowych.	426
59. Mapa (4). Tradycje o używaniu krów jako zwierząt pociągowych w niektórych czynnościach gospodarskich.	429
60. Mapa (5). Tradycje o hodowli bydła „siwego”.	434
61. Mapa (1). Relikty trzymania zwierząt hodowlanych samopas, lub uwiązanych, na stałe pod gołym niebem.	443
62. Mapa (2). Trzymanie zwierząt na ogrodzonych pastwiskach i znaczenia nazwy gwarowej „okólnik”.	445
63. Mapa (3). Tradycje i relikty zwyczaju trzymania w izbie chałupy na stałe, lub w pewnych okolicznościach — bydła rogatego i świń.	448
64. Mapa (4). Tradycje i relikty trzymania w sieni chałupy na stałe, lub w pewnych okolicznościach bydła rogatego i świń.	450
65. Mapa (5). Tradycje i relikty zwyczaju trzymania w obrębie chałupy w izbie lub w sieni drobiu, zwłaszcza kur.	452
66. Mapa (6). Najważniejsze usytuowanie pomieszczeń hodowlanych pod jednym dachem z domem mieszkalnym.	455
67. Mapa (7). Niektóre formy pomieszczeń hodowlanych pod jednym dachem z domem mieszkalnym.	459
68. Mapa (8). Najważniejsze nazwy gwarowe używane na określenie pomieszczeń dla zwierząt.	462
69. Mapa (9). Próba regionalizacji obszaru Polski w świetle uzyskanych wyników badań etnograficznych nad elementami zagrody chłopskiej, związanymi z hodowlą.	463

TABLE OF CONTENTS

I. Dissertations

	Str.
Jan Kubary, A contribution to the study of the Anchorite Islands	7
Ryszard Gansiniec, The cutting of the hair in the Mediterranean culture	49
Jan Czekanowski, The Podhale Region from the anthropological point of view	149
Józef Gajek, A study on the ethnographic division of Poland into regions	165
Krystyna Hofman'-Liandzis, Some traditional cereal cultures in the Polish village during the 19 th and the 20 th centuries.	210
Jerzy Grocholski, Methods of drying corn in Polish peasant farms in the 19 th and 20 th centuries	231
Janusz Bohdanowicz, Barns, called spichrze compared to granaries in peasant farms in Poland at the turn of the 19 th and 20 th centuries	283
Tomasz Skarżyński, Barns called stodoły in the Polish folk building in the 19 th and the 20 th centuries	383
Kazimierz Pudło, Neat cattle as draught-animals in peasant farms in Poland at the end of the 19 th and in the first part of the 20 th centuries	415
Krzysztof Kwaśniewski, Elements of a peasant farm connected with breeding in Poland at the end of the 19 th and in the 20 th centuries	439

II. Reports and Reviews

SOVIET ETHNOGRAPHY, Academy of Sciences, USSR, Moscow, 1959, 1960 (<i>Anastazja Kojdecka</i>)	469
S. W. Kisielow, A short outline of the Chakas ancient history, CHAGKIZ — ABAKAN, 1951 (<i>T. Wróblewski</i>)	540
Dušan Drljača, An essay on the state of ethnological investigations in Yugoslavia	544
Vilko Novak, Slovenska ljudska kultura (Slovenian Folk Culture) Lubiana 1960 (<i>D. Drljača — T. Skarżyński</i>)	560

	Str.
Boziwoje Drobnjakovic, Ethnology of the Yugoslavian People. Belgrad 1960 (<i>D. Drljača, T. Skarżyński</i>)	562
Marian Gotkiewicz, Rites and beliefs of the Rumanian Folk in South - Bucovina	565
LETHNOGRAPHIE, vol. 52, Paris 1958 (<i>F. Wróblewski</i>)	571
G. Brasseur, G. Savonnet, Ethno-demographic map. Dakar 1960 (<i>K. Kwaśniewski</i>)	578
Diego Gomes, On the first discovery of Guinea. Bissan 1959). (<i>K. Wolski</i>)	579
FOLK CULTURE of Greater Poland (the Province of Wielkopolska) Poznań 1960. (<i>J. Turnau</i>)	580
Walerian Sobisiak, The development of the Poznań bishopric latifundia during the 16 th — 18 th centuries. Poznań, 1960. (<i>K. Wolski</i>)	584
DANCES AND AMUSEMENTS in the Province of Wielkopolska. The Biblioteka popularna, Polish Ethnographic Society, vol. 3, elaborated by A. Glapa and A. Kowalski (<i>Jan Tacina</i>)	586
The Plock Learned Society 1820 — 1830, 1907 — 1957 Essays and materials. Plock, 1957. (<i>K. Pudło</i>)	594

III. Museums.

The Folk art of the Wielkopolska Province. Exhibition in the National Museum in Poznań. June — July 1961 (<i>A. Glapa</i>)	596
Museum in Lahora (Pakistan) (<i>K. Wolski</i>)	603

IV. News Items.

A reminiscence of the Polish ethnographer from Pomerania, the Rev. dr. Władysław Łęga (<i>Longin Malicki</i>)	605
Dr Janina Krajewska, (<i>Janina Rosen-Przeworska</i>)	609
Account of the 35 th General Assembly of the Polish Ethnographic Society in Szczecin (<i>Z. Jankowski</i>)	615
Account of the 36 th General Assembly of the Polish Ethnographic Society in Białystok (<i>T. Delimat and M. Suboczowa</i>)	626
Account on the total activity of the Polish Ethnographic Society during 1961. (<i>Olga Gajkova</i>)	635

Miscellanea

Summary in English and Russian (<i>E. Jeleniewski</i>)	643
Index of the 47 th volume of Lud. (<i>Olga Gajkova</i>)	685
Table of Illustrations and maps	
Table of contents in English and Russian	

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

I. Доклады

	стр.
Ян Кубары. Приложение к вопросу о изучении Отшельнических островов.	7
Рышард Гансинец. Обряд пострижения в средиземноморской культуре.	49
Ян Чекановски. Подгалье с точки зрения антропологии.	149
Юзеф Гаек. Исследования о этнографическом разделении Польши на районы.	165
Крыстына Гофман-Лиандзис. Некоторые традиционные значные культуры в польской деревне на переломе XIX и XX веков.	210
Ежи Грохольски. Формы просушки сжатых зерновых культур в польских крестьянских хозяйствах в XIX и XX веках	231
Януш Богданович. Амбары на фоне иных помещений для хранения зерна в крестьянских хозяйствах в Польше на переломе XIX и XX веков.	283
Томаш Скаржински. Гумна в польском народном строительстве в XIX и XX веках.	383
Казимерж Пудло. Рогатый скот в качестве упряжных животных в крестьянских хозяйствах в Польше в XIX веке и в первой половине XX века.	415
Кржиштоф Квасневски. Элементы крестьянского двора, связанные со скотоводством в Польше в конце XIX и XX веков.	493

II. Отчеты и рецензии

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ. Академия Наук С.С.С.Р., Москва 1959, 1960 (<i>Анастасья Койдэца</i>).	469
С. В. Киселев. Краткий очерк древней истории Шакасов. Шагиз-Абакан, 1951. <i>Т. Врублевски</i>	540
Душан Дрляча. Очерк состояния этнологических исследований в Югославии.	544
Вилько Новак, Словенская народная культура. Любляна 1960. <i>Д. Дрляча Т. Скаржински</i>	560
Боживой Дробнякович. Этнография народов Югославии, Белград, 1960 (<i>Д. Дрляча и Т. Скаржински</i>).	562
Марьян Готкевич. Обряды и верования румынского народа в Южной Буковине. Этнография, том 52. Париж 1959	565
Л'ЭТНОГРАФИЯ том 52, Париж 1958 (<i>Ф. Врублевски</i>)	571
Брасеэр и Савонэ. Этно-демографическая карта. Дакар 1960. (<i>К. Квасневски</i>).	578

Дьего Гомес. О первом открытии Гвинеи. Биссау 1959 (К. Вольски). . .	579
НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА ВЕЛИКОЙ ПОЛЬШИ. Познань 1960 (И. Тур- нау).	580
Валерьян Собисяк. Развитие латифундия познанского епископства с XVI по XVIII век. Познань, 1960 г. (К. Вольски).	584
ВЕЛИКОПОЛЬСКИЕ ТАНЦЫ И ИГРЫ. Популярная Библиотека Польско- го Этнографического Общества, том 3, обработал А. Глапа и А. Ко- вальски (Ян Тащина).	586
Научное Плоцкое Общество 1820—1830, 1907—1957. Эскизы и Мате- риалы. Плоцк 1957 (К. Пудло).	594

III. Музеи

Народное искусство Великой Польши. Выставка в Народном Музее в Поз- нани. Июнь-июль 1961 (А. Глапа).	695
Музей в Лагоре (Пакистан) (К. Вольски).	603

IV. Хроника

Воспоминание о польском этнографе, ксендзе др Владиславе Ленде (Лонгин Малицкий).	605
Др Янина Краевска (Янина Розен-Пржеворска).	609
Отчет о XXXV Общем Собрании Польского Этнографического Общества в Штетине (З. Янковски).	615
Отчет о XXXVI Общем Собрании Польского Этнографического Общества в Белостоке (Г. Делимат и М. Субочова).	626
Отчет об общей деятельности Польского Этнографического Общества в 1961 г. (Ольга Гайкова).	635

Смесь

Краткое содержание на английском и русском языках (Э. Еленевски). . .	643
Оглавление XLVII т. Ольга Гайкова.	685
Перечень иллюстраций и карт.	
Предметный указатель на английском и русском языках.	

ATLAS POLSKICH STROJÓW LUDOWYCH

CZĘŚĆ I POMORZE I WARMIA

cena
zł

1. Agnieszka Dobrowolska — Strój pyrzycki, 1955	22.—
2. Bożena Stelmachowska — Strój kaszubski, 1959	29.—
3. Franciszek Klonowski — Strój warmiński, 1960	27.—

CZĘŚĆ II WIELKOPOLSKA I KUJAWY

1. Adam Glapa — Strój szamotulski, 1951 (wyczerpany)	16.50
2. Adam Glapa — Strój dzierzacki, 1953	27.—
3. Adam Glapa — Strój lubuski, 1956	29.—
4. Halina Mikułowska — Strój kujawski, 1953	25.—

CZĘŚĆ III ŚLĄSK

1. Tadeusz Seweryn — Strój dolnośląski (Pogórze), 1950 (wyczerpany) . .	13.50
2. Stanisław Bronicz — Strój pszczyński, 1954	29.—
3. Longin Malicki — Strój góralski śląskich, 1956	30.—

CZĘŚĆ IV MAZOWSZE I SIERADZKIE

1. Maria Zywirski — Strój kurpiowski Puszczy Białej, 1952	16.50
2. Jadwiga Świątkowska — Strój łowicki, 1953	25.—
3. Jan Piotr Dekowski — Strój piotrkowski, 1954	27.—
4. Janusz Świeży — Strój podlaski, 1958	28.—
5. Jan Piotr Dekowski — Strój sieradzki, 1959	28.—
6. Janina Krajewska — Strój opoczyński, 1956	27.—
7. Adam Chętnik — Strój kurpiowski Puszczy Zielonej, 1960	32.—

CZĘŚĆ V MAŁOPOLSKA

1. Roman Reinfuss — Strój góralski szczawnickich, 1949 (wyczerpany) . . .	13.50
2. Franciszek Kotula — Strój rzeszowski, 1951 (wyczerpany)	16.50
3. Janusz Świeży — Strój krzczonowski, 1952	16.50
4. Edyta Starek — Strój spiski, 1954	26.—
5. Franciszek Kotula — Strój łańcucki, 1955	27.—
6. Sebastian Flizak — Strój Zagórzan, 1956	26.—
7. Barbara Kaznowska-Jarecka — Strój biłgorajski, 1958	29.—
8. Janusz Kamocki — Strój sandomierski, 1957	26.—
9. Tadeusz Seweryn — Strój krakowiaków wschodnich, 1960	32.—
10. J. i M. Kamoccy — Strój świętokrzyski	30.—

LITERATURA LUDOWA

Dwumiesięcznik poświęcony sprawom literatury ludowej, pod red. J. Krzyżanowskiego i S. Swirki. Zeszyty: podhalański, kielecki, rzeszowski, cieszyński, dolnośląski, górnośląsko-opolski, kaszubski, warmiński, lubelski, mazurski, podlaski, pomorski, lubuski. Prenumerata roczna 48.—. Zamówienia przyjmuje Redakcja Warszawa, Nowy Świat 72, pokój 121 Konto czekowe 1-7-110090 lub Oddziały Ruchu.